

ОРК-283744

Крылов, И.А.
Новыя басни
ч. II.
СПБ. - 1816.

Л
РР

3

ЗАЛА
ШКАФЪ
ПОЛКА №

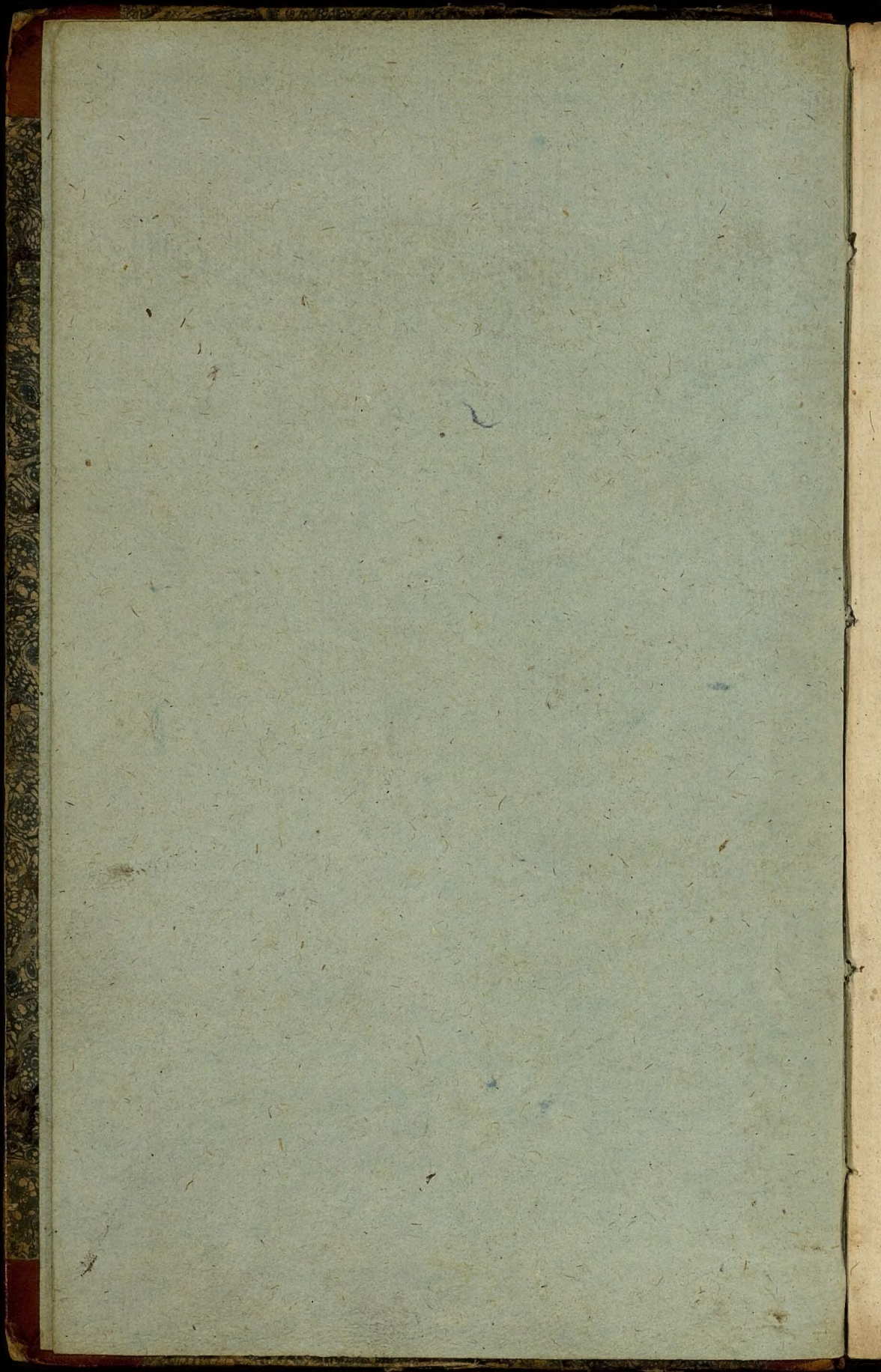
Дефисъ. 2р

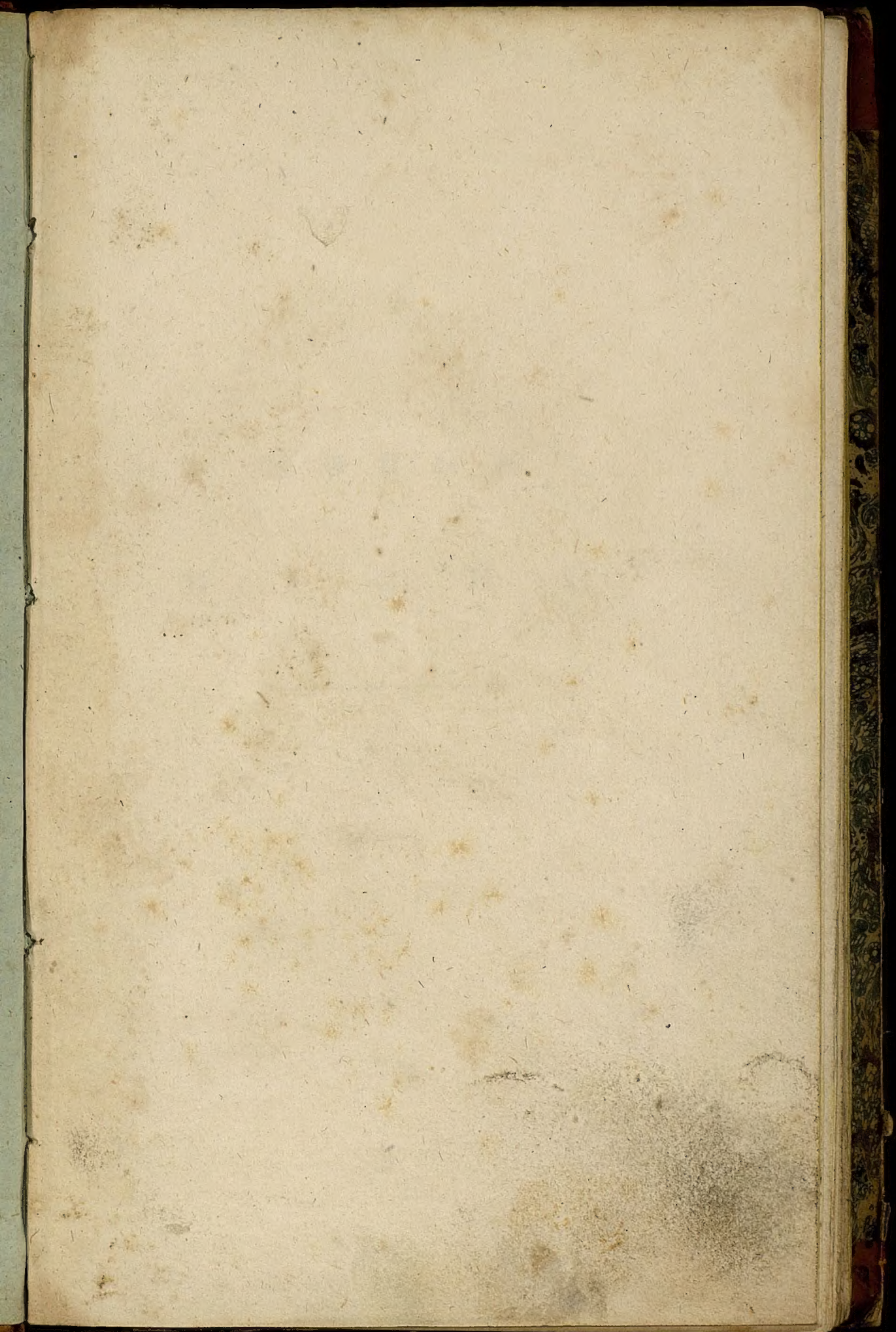
4

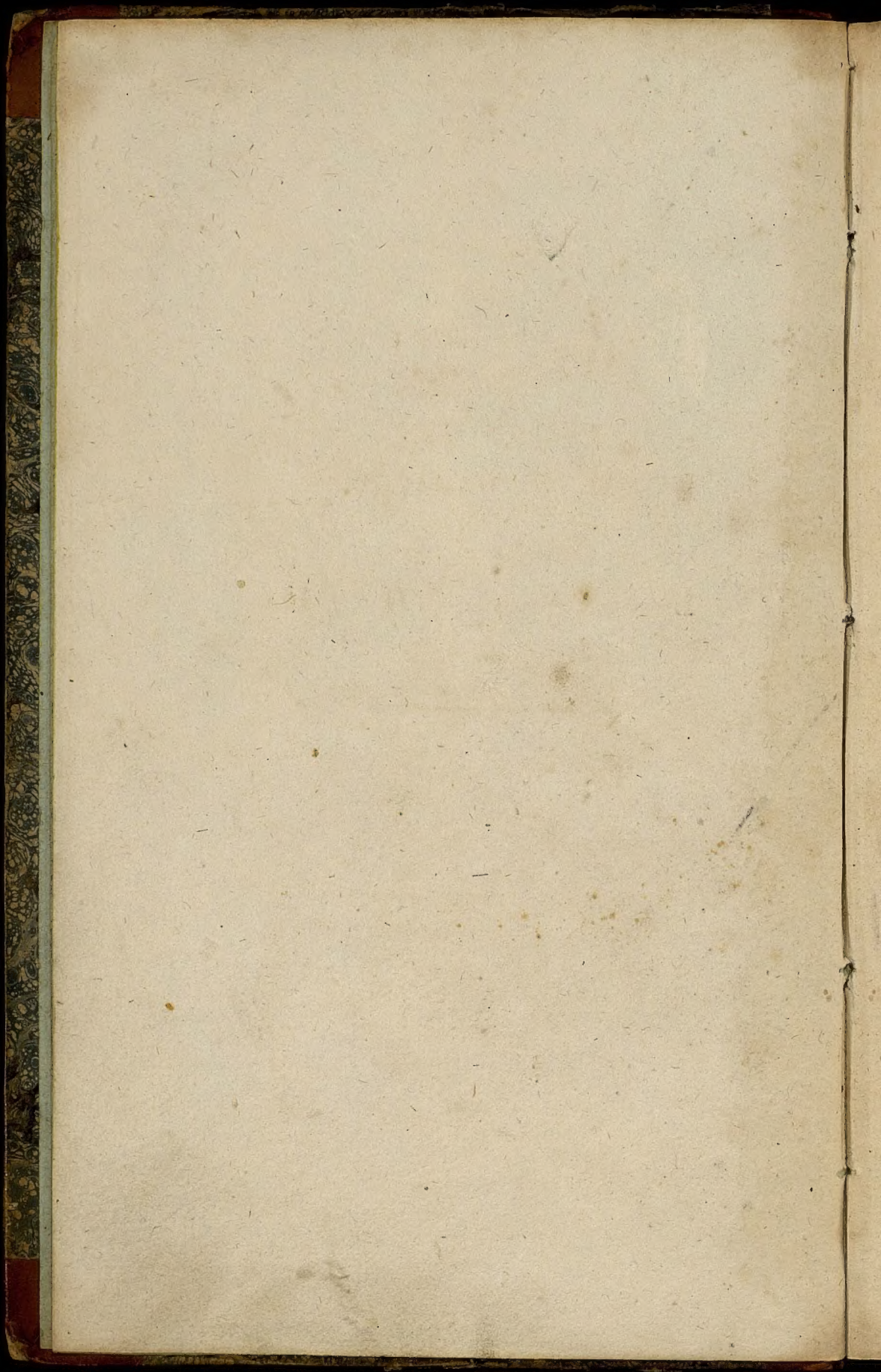
$$\begin{array}{r} 121 \\ \hline 49-7 \end{array}$$

50

276

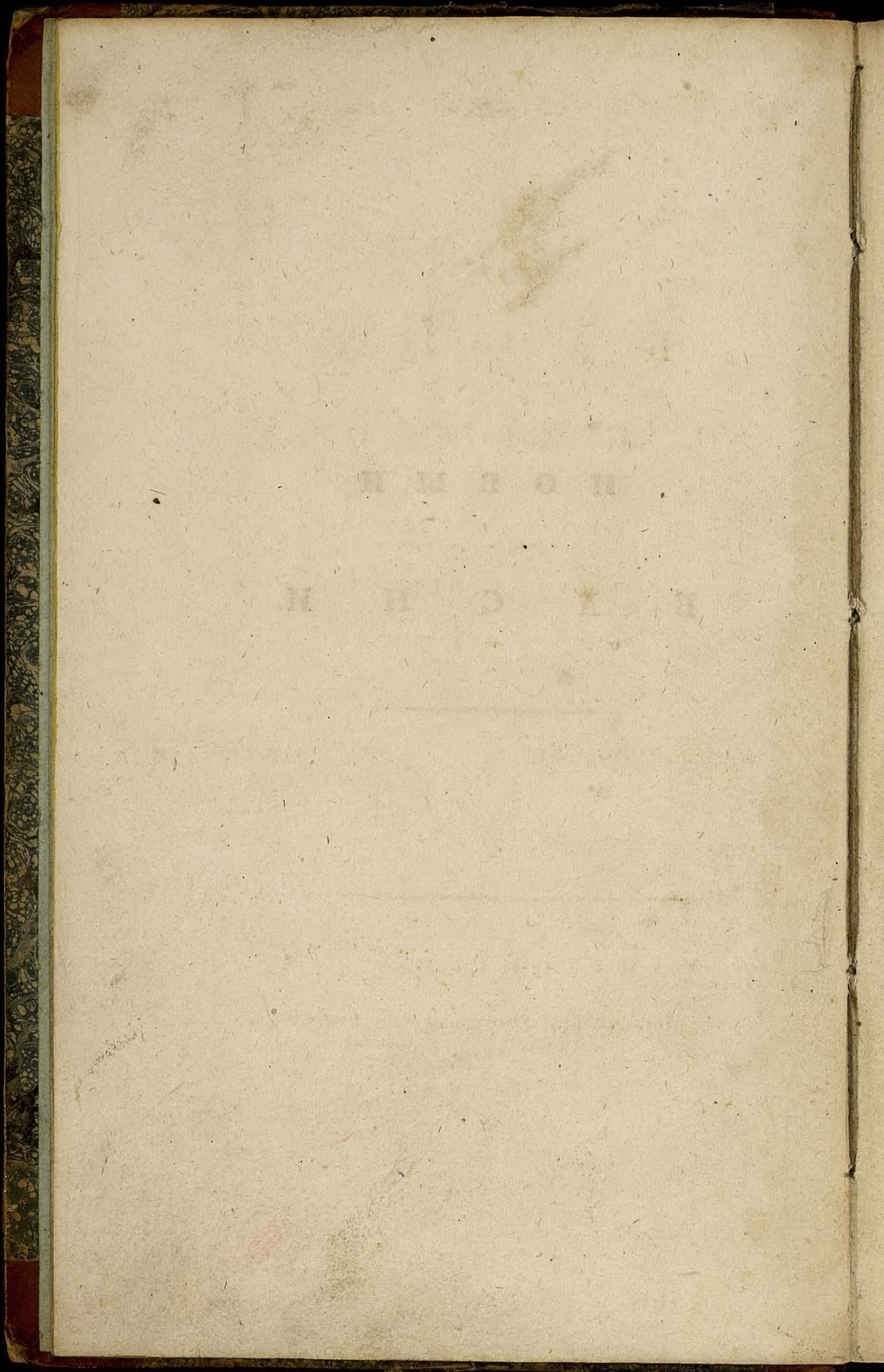

Н О В Ы Я

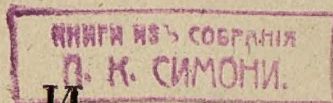
Б А С Н И.

7
мв. 7034.
2424..

Н О В Ы Я

Б А С Н И

И. А. К Р Ы Л О В А.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Изданіемъ содержателя театральнѣйшѣй
графіи А. Похорскаго.

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г ъ,
въ типографіи Императорскаго театра,
1816.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

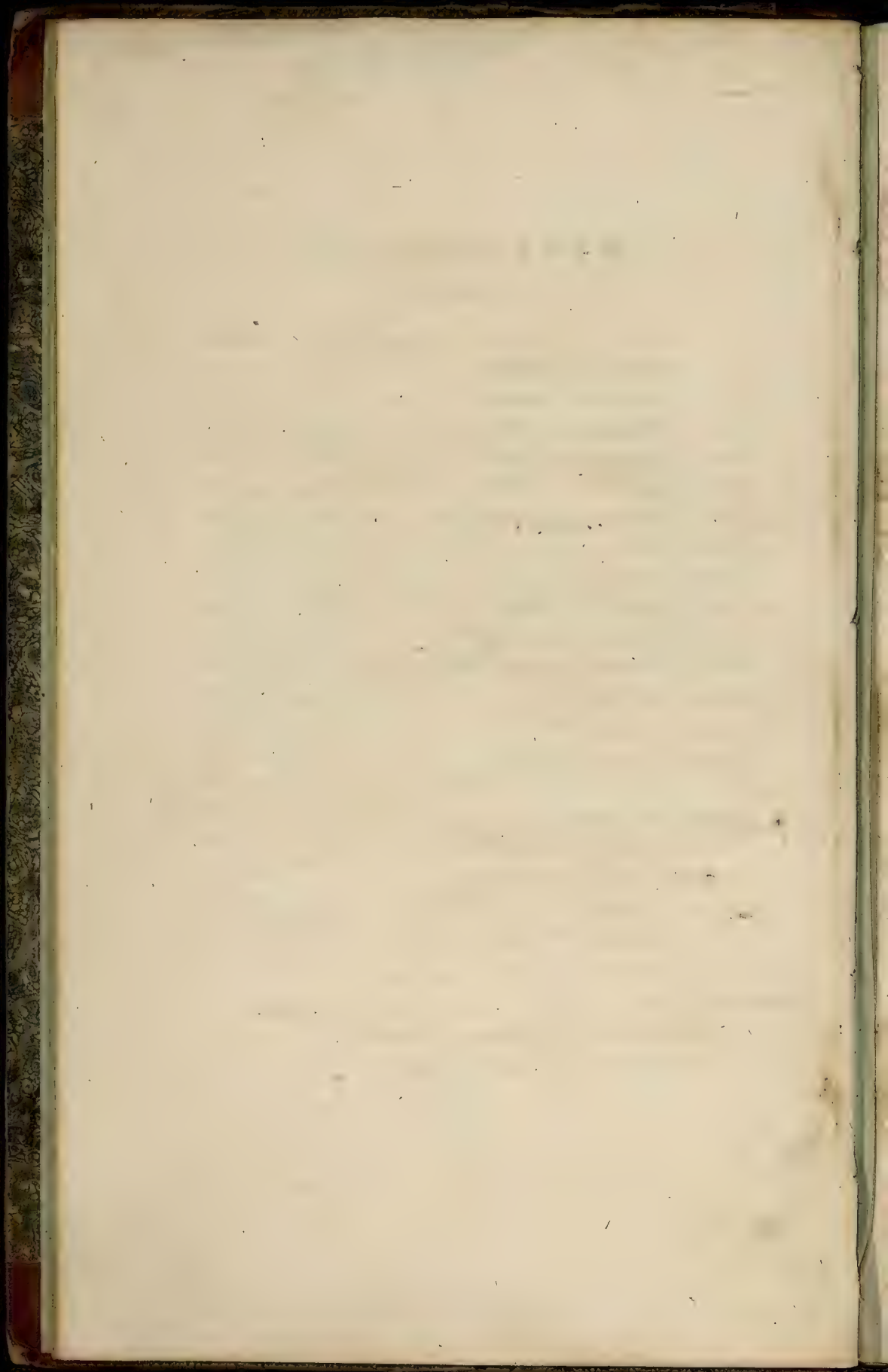
съ тѣмъ, что бы по напечатаніи до выпуска
изъ Типографіи представлены были въ Цен-
зурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги
для Цензурнаго Комитета, другой для Депар-
тамента Министерства Народнаго Просвѣще-
нія, два экземпляра для Императорской Публич-
ной Библіотеки и одинъ для Императорской
Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Февраля
25 дня, 1816 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Иванъ Тилковской.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
I. Лань и Дервишь - - - - -	1.
II. Орель и Крошъ - - - - -	3.
III. Волкъ и Лисица - - - - -	5.
IV. Бумажной Змѣй - - - - -	7.
V. Дерево - - - - -	8.
VI. Лебедь, Щука и Ракъ - - - - -	10.
VII. Собака - - - - -	11.
VIII. Механикъ - - - - -	12.
IX. Прудъ и Рѣка - - - - -	14.
X. Тришкинъ кафшанъ - - - - -	17.
XI. Крестьянинъ и Разбойникъ - - - - -	18.
XII. Цвѣшы - - - - -	19.
XIII. Любопытный - - - - -	21.
XIV. Мѣрская сходка - - - - -	22.
XV. Крестьянинъ и Змѣя - - - - -	23.
XVI. Скворецъ - - - - -	25.
XVII. Волкъ и Журавль - - - - -	27.
XVIII. Пожаръ и Алмазъ - - - - -	28.
XIX. Крестьяне и Рѣка - - - - -	30.
XX. Добрая Лисица - - - - -	32.
XXI. Водолазы. - - - - -	35.

Б А С Н И.

1.

ЛАНЬ и ДЕРВИШЬ.

Младая Лань своихъ лишась любезныхъ чадъ,
Еще сосцы млекою имѣя ошягченны,
Нашла въ лѣсу двухъ малыхъ волченяшъ,
И спала, выполняя долгъ матери священный,
Своимъ пишая ихъ млекою.

Въ лѣсу живущій съ ней однимъ
Дервишъ, ее поступкомъ изумленный:
О, безразсудная! сказалъ, къ кому любовь,
Кому свое млеко ты разпочаешь?
Иль благодарности опъ ихъ ты рода чаешь?
Бышь можешь нѣкогда (иль злоссти ихъ не
знаешь?)

Они прольютъ свою же кровь. —
Бышь можешь, Лань на это отвѣчала;

Но я о томъ не помышляла,

И не желаю помышлять.

Мнѣ чувство матери одно шеперь лишь мило,
И молоко мое меня бы пиягошило,
Когдабъ не спала я пишая. —

Такъ добродѣтельный, любя едину благость,
Безъ всякой мзды добро шворишь,
И если онъ богатъ, ему избытки въ сягость,
Коль онъ ихъ съ ближнимъ не дѣлишь.

ОРЕЛЪ и КРОТЪ.

Не презирай совѣша ни чьего,
Но прежде разсмотри его.

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ Орелъ съ орлицею вдвоемъ,
Задумали на вѣкъ остаться въ немъ,
И выбравши вѣшвисшой дубъ, высокой,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ спали вишь,
Надѣясь и дѣшей пушъ вывеспи на лѣшо.

Услыша Крошъ про ешо,
Орлу взялъ смѣлоссть доложитъ,
Что ешошъ дубъ для ихъ жилища не годитъся,
Что корнемъ онъ не крѣпокъ и не цѣлъ,
Что даже можетъ бытъ онъ скоро и свалитъся,
Такъ что бы вишь на немъ гнѣзда,
Не принималъ Орелъ напраснаго труда.
Но ксашъ ли Орлу принять совѣшъ изъ норки,
И ошъ Кроша! — А гдѣ же похвала,

Что у Орла
Глаза щакъ зорки?
И что за сшашъ Крошамъ мѣшашъ смѣшъ
въ дѣла

Царь-птицы!

Такъ многого съ Крошомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣшчика презря,

- Извихнуть, хнулъ, хну, v. a. an. disloquer, verrenken.
- Извлекаю, ешь, влѣкб, влечь, v. a. (sl.) tirer dehors, extraire; arracher; heraus ziehen, ausziehen, entreissen.
- Извлечение, я, n. l'extraction; l'extrait, die Ausziehung; der Auszug.
- Извлеченный, ая, ое, a. extrait, ausgezogen.
- Изнутри, ad. d'en dedans, von innen, von innerhalb.
- Извнѣ, ad. de dehors, von aussen, auswärts, ausserhalb.
- Изводъ, а, m. l'extinction, la ruine der Untergang.
- Извоздѣніе, я, n. l'action de conduire dehors, das Hinausführen.
- Извозу, водишь, вѣлб, извѣлб, водишь, извѣсть, v. a. conduire dehors; mener, transporter dehors; perdre, ruiner; consumer, dépenser tout, heraus führen; ins Verderben stürzen; alles verbrauchen.
- Извозусь, водишься, вѣлся, водиться, вѣстись, v. c. être mené, dehors; périr, se perdre; tomber en décadence, dans la misère, devenir pauvre; perdre ses forces, devenir faible, hinausgeführt werden; umkommen, verloren gehen; herunterkommen; in Armuth gerathen; schwach werden.
- Извозничанье, я, n. Извозъ, а, m. le métier de voiturier, de fiacre, die Betreibung; des Fuhrwesens, Miethfutscher seyn.
- Извозничая, Извозичая, ешь, чалб, чашь, v. n. faire le voiturier, le fiacre, tenir des chevaux de louage, das Fuhrmannswesen treiben, Miethfutscher, Miethfutscher seyn, Pferde zur Miete halten.
- Извозничій, Извозичій, чей, чья, чье, a. de voiturier, de fiacre, dem Fuhrmann gehörig.
- Извозный, ая, ое, я, de charriage, zum Fuhrwesen gehörig.
- Извозъ, v. Извозничанье.
- Изволѣніе, я, n. la volonté, le désir, der Wille.
- Изволѣнный, ая, ое, a. fait à dessein, vorsätzlich.
- Изволитель, я, m. qui veut qch., der etwas will.
- Изволительный, ая, ое, a. ayant sa volonté, seinen freyen Willen habend.

- Изволочить, чилб, чу, v. a. an. trainer, user, abimer, salir, verschleppen, abnützen; zuschmühen.
- Изволочиться, чился, чусь, v. r. se salir, se trainer; s'épuiser, perdre ses forces à force de debaucher; schmutzig werden, sich herumschleppen; sich durch Ausschweifungen enträften.
- Извольничаться, чался, чажусь, v. c. an. se donner sa carrière, auslassen werden.
- Изволю, лишь, лилб, лить, v. a. agréer, plaire, vouloir, beliben; gefällig seyn.
- Изволюется кому, v. i. (sl.) il plait, on est d'avis, es beliebt, es dunkt gut, man findet für gut.
- Изволю, еши, лишь, волиши, v. a. vouloir, choisir; se résoudre, wollen, wählen; beschließen.
- Изворачиваю, ешь, рошилб, ворошить, v. a. tourner, umdrehen.
- Изворачиваю, ешь, чалб, рошишь, бrouiller, mettre en desordre; rouer, qn. de coups, durch einander werfen; einen zerprügeln.
- Изворачиваюсь, v. r. se tourner; se tirer d'affaire, sich umwenden; sich heraus helfen.
- Изворонб, а, m. le moyen de se tirer d'embarras touchant un payement, das Mittel sich aus der Verlegenheit in Ansehung der Bezahlung zu ziehen.
- Изворотъ, я, f. l'envers, die umrechte Seite.
- Извозчикъ, а, m. le fiacre, le voiturier, der Miethfutscher, der Fuhrmann.
- Извозчиковъ, ва, во, а. appartenant au fiacre, au voiturier, dem Miethfutscher, dem Fuhrmannne gehörig.
- Извозчикъ, v. Извозничій.
- Изврачевати, v. a. an (sl.) guérir, heilen.
- Извращаю, еши, щамб, шмипи, v. a. (sl.) renverser, umwerfen.
- Извращѣніе, я, n. le renversement, das Umwerfen.
- Извременяю, ешь, нипь, v. a. attendre le moment favorable, se patienter, den gelegenen Zeitpunkt abwarten, sich gebulden.
- Извикаю, ешь, выкб, камь, выкнушь, v. n. prendre l'habitude, s'accoutumer; sich abgewöhnen, sich an etwas gewöhnen.

ВОЛКЪ и ЛИСИЦА.

Охотно любящъ шо дарить и уступать,
Что не куда самимъ дѣвать. —

Я про Лису примѣръ хочу сказать,
За шѣмъ, что истина сносе въ полъ-от-
крыша.

Лиса куряпинки накушавшись до сыща,
И доброй ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ сногомъ прилегла вздремнушь въ вечер-
ній часъ.

Глядишь, анъ въ гости къ ней голодной Волкъ
тащился.

Что, кумушка, бѣды! онъ говоритъ,
Ни коспochкой не могъ ни гдѣ я поживиться,

Меня такъ голодъ и моритъ;
Собаки злы, пастухъ не спитъ,

Пришло хопъ удавиться! —

Не ужъ ли? — Право такъ. — Бѣдняжка ку-
манѣкъ!

Да не изволишь ли сѣнца? Вотъ цѣлой сногъ,

Я куму услужить готова. —

А куму не сѣнца, хотѣлось бы мяснова;

Да про запасъ Лиса ни слова.

И пакъ , прияшель сърой мой,
Обласканъ по уши кумой,
Однако же пошелъ безъ ужина, домой.

БУМАЖНОЙ ЗМѢЙ.

Запущенный подъ облака
 Бумажный змѣй, примѣшя съ висока
 Въ долину Мопылька:
 Повѣришь ли? кричишь, чую чую тебя мнѣ
 видно;

Признайся, что тебѣ завидно
 Смогъшь на мой высокой споль полетъ. —

Завидно! — Право нѣтъ;
 Напрасно о себѣ ты много такъ мечтаешь!
 Хотя высоко, но ты на привязи лещаешь.

Такая жизнь, мой свѣтъ,
 Отъ счастья весьма далеко,
 А я хотя правда не высоко,
 За то лечу
 Куда хочу;
 Да я же такъ, какъ ты, въ забаву для друга
 Пустова,
 Въкъ цѣлой не трещу.

Д Е Р Е В О.

Увидя, что шопоръ крещьянинъ несъ:
Голубчикъ! Деревцо сказало молодое,
Пожалуй выруби вокругъ меня шы лѣсъ;

Я не могу рости въ покоѣ:

Ни для корней моихъ простору нѣтъ,
Ни въ шеркамъ вокругъ меня свободы;
Такіе надо мной онъ сплескъ изволилъ своды;
Когдабъ вокругъ меня не ешотъ сбродъ,
Я вѣрнобъ выросла до облакъ въ годъ,
И скрасилась бы мной здѣсь цѣлая долина;
Теперь же шонокъ я и сухъ, какъ хвороспина.

Взялся крещьянинъ за шопоръ

И Дереву, какъ другу,

Онъ оказалъ услугу:

Вкругъ Деревца большой очисился просторъ.

Но шоржество его не долго было!

То солнцемъ Дерево печешъ,

То градомъ, то дождемъ сѣчешъ,

И въ шромъ наконецъ шо Деревцо сломило. —

Безумное! ему сказала шущъ Змѣя,

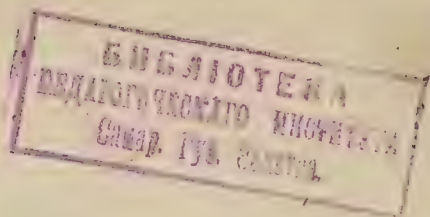
Не ошъ тебѣ лѣ бѣда швоя?

Когдабъ укрышое въ лѣсу шы возраспало,

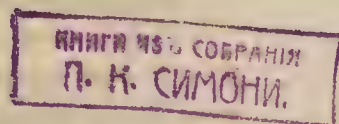
Тебѣбъ вредитъ ни зной, ни въ шры не могли,

Тебя бы шпарые деревья берегли.

А еслибъ нѣкогда деревьевъ шѣхъ не спало,

И время ихъ бы опошло,
То до того ты сполькобъ возросло,
Усилилось и укрѣпилось,
Что нынѣшней бѣды съ шобой бы не случилось,
И бурю можешь быть тыбъ выдержать могло.

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА и РАКЪ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣшъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдешъ,
И выдешъ изъ него не дѣло, только мука.

Однажды Лебедь, Ракъ, да Щука,
Везши съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ шрое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзущъ вонъ, а возу нѣшу ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка;
Да Лебедь рвешся въ облака,
Ракъ пяшился назадъ, а Щука тянeshъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ, судишь
не намъ;
Да только возъ и нынѣ памъ.

VII.

СОБАКА.

У барина была Собака шаловлива,
 Хоть нужды не было Собакъ той ни въ чѣмъ:
 Иная бы такимъ жипьемъ,
 Была довольна и счастлива,
 Общественныхъ не нарушая правъ.
 Но ужъ у ней такой былъ нравъ:
 Что изъ мяснова ни достанешъ,
 Въ минушу стянешъ.
 Хозяинъ сладить съ ней не могъ,
 Какъ онъ ни бился,
 Пока его приятель не вступился
 И въ помъ ему совѣтомъ не помогъ. —
 Послушай, говоритъ, хоть кажешся ты спрогъ;
 Но ты лишь красъ Собаку приучаешъ,
 За шѣмъ, что краденой кусокъ
 Всегда ей оставляешъ.
 А ты впередъ ее хоть меньше бей,
 Да кражу опнимай у ней. —
 Едва лишь на себъ Собака изпышала,
 Совѣшъ разумной сей,
 Шалишъ Собака переспала.

VIII.

МЕХАНИКЪ.

Какой-то молодецъ, но только не умомъ,
 Огромной каменной купилъ съ деревней домъ.
 Домъ правда дѣдовской, но строенной на славу:
 И прочность и уютъ все было въ домъ томъ,
 И домъ бы всѣмъ пришелъ молодчику по нраву,
 Да только то бѣды,

Немного далеко споялъ онъ онъ воды. —
 Ну чтожъ? онъ думаетъ, въ своемъ добрѣ и
 власнень,

Такъ домъ мой, какъ онъ есть,
 Велю машинами къ рѣкѣ я перевезть;
 (Какъ видно молодецъ механикой былъ спра-
 сненъ!)

Лишь сани подъ него подвесить,
 Подрывшись напередъ ему подъ основанье,
 А тамъ уже, излада на кашкахъ,
 Я ворошомъ, куда хочу, все зданье
 Поспавлю будто на рукахъ.
 И что еще! чего не видано на свѣтѣ!
 Когда перевозить шуда мой будущъ домъ,
 Тогда подъ музыкой съ приятелими въ немъ,
 Пируя за большимъ столомъ,
 На навосельѣ я поѣду, какъ въ карешѣ. —
 Пльняся глупостью шакой,

И къ дѣлу приступилъ потъ часъ Механикъ
мой.

Рабочихъ подрядилъ, подъ домомъ рылся, рылся,
Ни денегъ, ни заботъ ни мало не берегъ;
Однакожъ дома онъ перепачить не могъ,
И только до того добился,
Что домъ его свалился. —

Какъ много у людей
Зашѣй,
Которыя еще опаснѣй и глупѣй!

ПРУДЪ и РѢКА.

Что ето, говорилъ Рѣкъ сосѣдній Прудъ,
 Какъ на тебя ни взглянешь,
 А воды все твои текутъ!
 Не уже ли таки ты, сесприца, не устанешь?
 При томъ же вижу я почти всегда,
 То съ грузомъ тяжкіе суда,
 То долговязые плоты ты носишь;
 Ужъ я не говорю про лодки, челноки,
 Имъ счешу нѣтъ! Когда такую жизнь ты
 бросишь?

Я право высохъ бы съ шоски.
 Въ сравненіи съ твоимъ какъ жребій мой при-
 япень!

Конечно я не знапень,
 По каршѣ не тянусь я черезъ цѣлой лиспѣ,
 Миѣ не бренчишь похвалѣ какой нибудь гу-
 слиспѣ,

Да ето право все пустое!
 За то я въ илиспыхъ и мягкихъ берегахъ,
 Какъ барыня въ пуховикахъ,
 Лежу и въ нѣгѣ и въ покоѣ;
 Не только что судовъ,
 Или плошовъ,

Мнѣ здѣсь не для чего спрашиваться,
Не знаю даже я каковъ тяжель челнокъ;

И много, ежели случится,
Что по водѣ моей чужь зыблется листокъ,
Когда его ко мнѣ забросишь въперокъ.
Что беззаботную замѣнишь жизнь такую?

За вѣпрами со всѣхъ сторонъ,
Не двигаюсь я, смотрю на суету мірскую,
И философствую сквозь сонъ. —
А философствуя, ты помнишь ли законъ,
Рѣка на это оповѣщаетъ,
Что свѣжестъ лишь вода движеніемъ сохра-
няетъ?

И если спала я великою Рѣкой,
Такъ это опъ того, что кинувши покой,
Послѣдую сему успаву.

За то по всякой годъ

Обиліемъ и чистою водою

И пользу приношу, и въ честь вхожу и въ славу,
И буду можешь быть еще я вѣки печь,
Когда уже тебя не будетъ и въ поминѣ. —
Слова ея сбылись: она печетъ по нынѣ;
А бѣдной Прудъ годъ опъ году все гложъ,
Заволочень весь пиною глубокой,
Зацвѣлъ, заросъ осокой,
И наконецъ со всѣмъ изсохъ.

Такъ дарованіе безъ пользы свѣшу вянетъ.

По всякой день,
Когда имъ овладѣшь дѣнь,
И оживляшь его дѣятельность не станешь.

ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думаешь шить? Онъ за иглу принялся,

По четверти обрѣзалъ рукавовъ,
И локти заплашилъ. — Кафтанъ готовъ;
Лишь на четверть голѣ руки спали.

Да что до ешого печали?

Однако же смѣется Тришкѣ всякъ.
А Тришка говоритъ: шакъ я же не дуракъ,
И шу бѣду поправлю,

Длиннѣ прежняго я рукава наставлю.

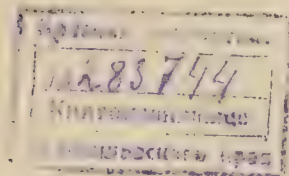
О! Тришка малой не проспой!

Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава, и весель Тришка мой,
Хоть носилъ онъ кафтанъ шакъой,
Котораго длиннѣ и камзолы.

Такимъ же образомъ видалъ я, иногда

Иные господа,

Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ:
Посмотришь — въ Тришкиномъ кафтанѣ ще-
голяютъ!

XI.

КРЕСТЬЯНИНЪ И РАЗБОЙНИКЪ.

Крестьянинъ, заводясь домкомъ,
Купилъ на ярманкѣ подойникъ, да корову,
И съ ними сквозь дуброву,
Тихонько брелъ домой проселочнымъ путемъ,
Какъ вдругъ разбойнику попался.
Разбойникъ мужичка, какъ липку ободралъ.
Помилуй, всплечется Крестьянинъ, я пропалъ,
Меня со всѣмъ шы доканалъ!
Годъ цѣлой я купишь коровушку собирался,
На силу ешого дождался дня! —
Добро, не плачься на меня,
Сказалъ разжалобясь Разбойникъ,
И подлинно, вѣдь мнѣ коровы не доишь;
Ужъ шакъ и бышь,
Возми себѣ назадъ подойникъ.

XII.

Ц В Ъ Т Ы.

Въ отворенномъ окнѣ богатаго покоя,
 Въ фарфоровыхъ, росписанныхъ горшкахъ,
 Цвѣшны поддѣльные съ живыми вмѣстѣ стоя,
 На проволочныхъ стебелькахъ
 Качались спесиво

И выставляли всѣмъ красу свою на диво.
 Вошъ дождикъ началъ накрапашъ!
 Цвѣшны шафяные Юпитера шупъ просяшъ:
 Не лзя ли дождь унять;
 Дождь всячески они ругающъ и поносяшъ.
 Юпитерь! молюсь, ты дождикъ прекрати,
 Что въ немъ пуши,

И что его на свѣшъ хуже!
 Смощи не лзя по улицѣ пройши;
 Вездѣ лишь опъ него и грязь и лужи. —
 Однако же Зевесъ не внялъ мольбѣ пусшой,
 И дождь себѣ прошелъ своею полосой!

Прогнавши зной,
 Онъ воздухъ прохладилъ; природа оживилась,
 И зелень вся, какъ будто обновилась.
 Тогда и на окнѣ Цвѣшны живые всѣ
 Раскинулись во всей своей красѣ,
 И спали опъ дождя душистѣй,
 Свѣжѣе и пушистѣй.

А бѣдные Цвѣшны поддѣльные, съ тѣхъ поръ

Лишились всей красы и брошены на дворъ,
Какъ соръ! —

Таланты истинны за крипику не зляшся:
Ихъ повредишь она не можешь красошъ;
Одни поддѣльные Цвѣшъ
Дождя бояшся.

XIII.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

Пришель дорогой, здорово, гдѣ ты былъ? —
Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа шамъ при

ходилъ,

Все видѣлъ, высмотрѣлъ; опъ удивленья,

Повѣришь ли, не спанешъ ни умѣнья,

Пересказать тебѣ, ни силъ.

Ужъ подлинно что шамъ чудесъ палаша!

Куда на выдумки природа шароваша!

Какихъ звѣрей, какихъ шамъ пшицъ я не видалъ!

Какія бабочки, букашки,

Козявки, мушки, таракашки!

Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ коралль!

Какія крохотны коровки!

Есть право менѣ булавочной головки! —

А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ?

Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣшилъ! —

Да развѣ шамъ онъ? — Тамъ. — Ну, брашець,

виновашъ:

Слона-то я и не примѣшилъ.

XIV.

МИРСКАЯ СХОДКА.

Какой порядокъ ни зашѣй,
 Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей,
 Они всегда найдутъ уловку,
 Чѣмъ сдѣлашь шамъ, гдѣ имъ захочется,
 снаровку.

Въ овечьи спаросты у Льва просился Волкъ:
 Спараньемъ кумушки Лисицы,
 Слово о немъ замолвлено у Львицы.
 Но такъ какъ о Волкахъ худой на свѣшъ шолкъ,
 И не сказали бы, что смотришь Левъ на лица,
 То вельно звѣриной весь народъ
 Созвашъ на общій сходъ,
 И распросишь шого, другаго,
 Что въ Волкъ добраго онъ знаетъ иль худаго.
 Изполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны,
 На сходкѣ голоса чинъ чиномъ собраны;
 Но прошивъ Волка нѣшъ ни слова,
 И Волка вельно въ овчарню посадишь.
 Да что же Овцы говорили?
 На сходкѣ вѣдь онъ ужъ вѣрно были? —
 Вошъ шо-шо нѣшъ! — Овецъ-шо и забыли;
 А ихъ-шо бы всего нужнѣй спросишь.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ.

Змѣя къ Крестьянину пришла просишся въ
домъ,

Не по пустому жишь безъ дѣла;
Нѣшь, нянчишь у него дѣшей она хотѣла:
Хлѣбъ сладѣ нажитой трудомъ!

Я знаю, говоришь она, худую славу,
Которая у васъ людей

Идетъ про Змѣй,

Что всѣ онѣ презлаго нраву;
Изъ древности гласишь молва,
Что благодарности онѣ не знаютъ,
Что нѣшь у нихъ ни дружбы, ни родства,
Что даже собственнхъ дѣшей онѣ сѣдають!
Къ несчастью, правда все; но я не шакова.
Я съ роду ни кого не шолько не кусала;

Но такъ гнушаюсь зла,

Что жало у себя я вырвать бы дала,

Когдабъ я знала,

Что жишь могу безъ жала!

И словомъ, я добрый

Всѣхъ Змѣй.

Судижь, какъ буду я любишь швоихъ дѣшей.

Коль ешо, говоришь Крестьянинъ, и не ложно,

Все мнѣ приняшь шебя не можно.

Когда примѣръ такой

У насъ полюбятъ,
Тогда вползуть сюда за доброго Змѣй
Одной,
Сто злыхъ, и всѣхъ дѣшей здѣсь перегубятъ.
Да кажется, голубушка моя,
И по тому съ тобой мнѣ не ужишься,
Что лучшая Змѣя
По мнѣ ни къ чорту не годится.

Опцы, вы видѣшель на что здѣсь мечу я?

XVI.

СКВОРЕЦЪ.

У всякаго талантъ есть свой;
 Но часто на успѣхъ прельщаяся чужой,
 Хващается за то иной,
 Въ чемъ онъ со всемъ не годенъ.
 А мой совѣтъ такой:
 Берись за то, къ чему ты сроденъ,
 Коль хочешь, чѣмъ въ дѣлахъ успѣшной былъ
 конецъ.

Какой-то съ молоду Скворецъ,
 Такъ пѣть щегленкомъ научился,
 Какъ будто бы щегленкомъ самъ родился;
 Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
 И всякой Скворушку хвалилъ.
 Иной бы былъ такой доволенъ часшью;
 Но Скворушка услышъ, что хвалятъ соловья:
 А Скворушка завистливъ былъ къ несчастью,
 И думаетъ: постойте же друзья,
 Спою не хуже я
 И соловьинымъ ладомъ.
 И подлинно запѣлъ!
 Да только лишь со всемъ особымъ складомъ:
 То онъ пищалъ, то онъ хрипѣлъ,
 То не пушемъ
 Онъ верещалъ козленкомъ,

И словомъ , разогналъ всѣхъ пшицъ своимъ
пѣньемъ.

Мой милой Скворушка! ну что за прибѣль въ
шомъ?

Пой лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно соловьемъ.

XVII.

ВОЛКЪ и ЖУРАВЛЬ.

Что Волкъ жадненокъ, всякой знаетъ:

Онъ ѣвши никогда

Косшей не разбираетъ;

За то съ однимъ изъ нихъ случилася бѣда:

Онъ костью чуть не подавился;

Не можетъ Волкъ ни охнуть, ни вздохнуть,

Пришло хоть ноги просяннуть.

По счастью, близко шущъ Журавль случился!

Воптъ, кой какъ знаками спалъ Волкъ его
манишь,

И проситъ горю пособить.

Журавль свой долгой носъ по шею

Засунулъ къ Волку въ пасть, и съ трудностью
большею

Кость вытащилъ, и спалъ за шрудъ просить.

Ты шупишь, звѣрь вскричалъ коварной;

Тебѣ за шрудъ! Ахъ ты неблагодарной!

А ето ничего, что свой ты долгой носъ

И съ глупой головой, изъ горла цѣль унесъ!

Подижъ приятель, убирайся;

Да берегись — впередъ ты мнѣ не попадайся.

XVIII.

ПОЖАРЪ и АЛМАЗЪ.

Изъ малой искры спавъ пожаромъ,
 Огонь въ спремленьи яромъ,
 По зданьямъ разлился въ глухой полночной часъ;
 Тогдажъ при общей шой тревогъ,
 Потерянный Алмазъ,
 Едва сквозь пыль мелькалъ, валяясь по дорогъ.
 Какъ ты со всей своей игрой,
 Сказалъ Огонь, ничтоженъ предо мной!
 И сколь навичное пошребно зрѣнье,
 Чтوبъ различишь тебя, при маломъ опдаленье,
 Или съ просшымъ стекломъ иль съ каплею воды,
 Когда въ нихъ лучъ иль мой иль солнечный
 сіяешь.

Ужъ я не говорю, что все тебѣ бѣды,
 Что на тебя ни попадаетъ:
 Бездѣлка, ленны лоскушокъ!
 Какъ часто блескъ пивой затемняетъ,
 Вокругъ тебя одинъ обвившись волосокъ!
 Не такъ легко затъмишь мое сіянье,
 Когда я въ яроссти моей
 Охвашываю зданье.
 Смощи, какъ всѣ усилія людей
 Прощивъ себя я презираю,
 Какъ съ трескомъ все, что встрѣчу, пожираю,
 И зарево мое, играя въ облакахъ,

Окрестностямъ наводишь страхъ.—
 Хоть прошивъ твоего мой блескъ и бѣденъ,
 Алмазъ опившисвуешь; но я безвреденъ.
 Не укоришь меня ни кто ни чьей бѣдой,

И лучъ досаденъ мой

Лишь зависши одной.

А ты блестяшь лишь тѣмъ, что разрушаешь!

За то всей силой съединясь,

Смотри, какъ рвущся всѣ, чтобъ ты скорѣй
 погасъ,

И чѣмъ ты яростнѣй пылаешь,

Тѣмъ ближе можешь быть къ концу.—

Тутъ силой всей народъ тушитъ пожаръ при-
 нятъ;

На упродымъ одинъ и смрадъ по немъ осался;

Алмазъ же вскорѣ опыскался,

И лучшею красой спалъ Царскому вѣнцу.

XIX.

КРЕСТЬЯНЕ и РѢКА.

Крестьяне вышедъ изъ шерпѣнья,
 Опъ разоренья,
 Чшо рѣчки имъ и ручейки,
 При водопольи причиняли,
 Пошли просить себѣ управы у Рѣки,
 Въ кошорую ручьи и рѣчки шѣ впадали.
 И было чшо на нихъ донесеть!
 Гдѣ озими разрышы,
 Гдѣ мѣльницы посорваны и смыты,
 Попоплено скоша; чшо и не счестъ!
 А та Рѣка течетъ такъ смирно, хощь и пышно;
 На ней стоятъ большіе города,
 И никогда
 За ней такихъ проказъ не слышно;
 Такъ вѣрно ихъ она уймешъ,
 Между собой Крестьяне разсуждали.
 Но чшожъ? Какъ подходишь по ближе спали
 И посмотрили, такъ узнали,
 Чшо половину ихъ добра по ней несешъ.
 Тутъ попусту не заводя хлопотъ,
 Крестьяне лишъ его глазами проводили;
 Пошомъ взглянулись межъ собой,
 И покачавши головой,
 Пошли домой.
 А отходя, проговорили:

На что и время прапиль намъ !
На младшихъ не найдешь себѣ управы шамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ по поламъ.

XX.

ДОВАРА ЛИСИЦА.

Спрѣлокъ весной малиновку убилъ:
 Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое!
 Но нѣтъ, за ней должны еще погибнуть трое:
 Онъ бѣдныхъ шрехъ ее ппенцовъ осиропилъ.
 Едва изъ скорлупы, безъ смыслу и безъ силъ,
 Малюшки шерпашъ голодъ
 И холодъ,
 И пискомъ жалобнымъ зовущъ напрасно мать.
 Какъ можно не спрадашь,
 Такое горе видя!
 Лисица, пшицамъ говоритъ,
 На камушкѣ прошивъ гнѣзда сиропокъ сидя:
 Не киньше, милыя, безъ помощи дѣшей,
 Хотя по зернушку бѣдняжкамъ вы снесите,
 Хотя по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку при-
 шкните,
 Вы ешимъ жизнь ихъ сохраните;
 Что дѣла добраго святѣй!
 Кукушка, посмотри, вѣдь ты и шакъ линяешь;
 Не лучше ли дашь себя немножко ошипать,
 И перьемъ бы твоимъ постельку ихъ ушлашь,
 Вѣдь попустишь его ты разшеряешь.
 Ты, жаворонокъ, чѣмъ по верхамъ
 Тебѣ кувыркашся, кружишся,
 Тыбъ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,

Чтобъ съ сиротами подѣлиться.
 Ты, горлинка! твои пшеницы ужъ подросли,
 Промыслишь кормъ они и сами бы могли,
 Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла,
 Да вмѣсто матери къ малюшкамъ съѣла;
 А дѣшокъ бы твоихъ пусть Богъ
 Берегъ.

Тыбъ, ласточка, ловила мошекъ,
 Полакомишь безродныхъ крошекъ.
 А ты бы, милой соловей,
 Когда пшенишечекъ ко сну попянешъ,
 Межъ тѣмъ, какъ съ гнѣздышкомъ зефиръ ча-
 чай ихъ спанешъ,
 Тыбъ прибаюкивалъ ихъ пѣсенкой своей.
 Такою нѣжностью, я твердо вѣрю,
 Выбъ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.
 Послушайте меня; докажемъ, что въ лѣсахъ
 Есть добрые сердца, и что.... При сихъ словахъ,
 Малюшки бѣдные всѣ шрое,
 Не могли съ голоду сидѣть въ покоѣ,
 Попадали къ Лисѣ на низъ.
 Чтожъ кумушка? — Тотчасъ ихъ съѣла,
 И поученья не дождала.
 Чипашель, не дивись!
 Кто добръ по истинѣ, не разпложая слова
 Въ молчаньи шощъ добро шворишь;
 А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жуж-
 жикъ,

Тотъ часто только добрѣ на счетѣ другога,
За шѣмъ, что въ епомъ нѣшъ убытку никакова;
На дѣлѣ же почти такіе люди всѣ
Сродни моей Лисѣ.

В О Д О Л А З Ы.

Какой-то древній Царь впалъ въ странное со-
мнѣнье:

Не болѣлъ вреда, чѣмъ пользы, отъ наукъ?
Не разслабляешь ли сердца и рукъ
Ученье?

И не разумнѣлъ поступить онъ,
Когда ученыхъ всѣхъ изъ царства вышлетъ
вонъ?

Но такъ какъ ешотъ Царь свой украшая шронъ,
Душею всей радѣлъ своихъ народовъ счастью,
И для того

Не дѣлалъ ничего

По прихоти иль по пристрастью;

То приказалъ собрать совѣтъ,
Въ кошоромъ всякой бы, хоть слогомъ не ку-
дрявымъ,

Но съ толкомъ лишь согласно здравымъ,

Свое представилъ да иль нѣтъ,

То есть: ученымъ вонъ изъ царства убираться,

Или по прежнему въ томъ царствѣ оставаться?

Однакожъ, какъ совѣтъ ни толковалъ:

Кто самъ свой голосъ подавалъ,

Кто голосъ подавалъ работы секретарской,

Всякъ только дѣло зашемнялъ

И въ нерѣшимости запусывалъ умъ царской.

Кто говорилъ, что неученье шьма,
 Что не далъ бы намъ Богъ ума
 Ни дара постигать вещей безплодныхъ,
 Когда бы Онъ хотѣлъ,
 Чтوبъ человекъ не болъ разумѣлъ
 Безмысленныхъ животиныхъ;
 И что согласно съ цѣлью сей
 Учене къ счастью ведетъ людей,
 Другіе утверждали,
 Что люди опъ наукъ лишь только хуже спали,
 Что весь ученой бредъ
 Былъ нравовъ простотѣ во вредъ,
 И что за просвѣщенемъ въ слѣдъ
 Сильнѣйшіе на свѣтѣ царства пали,
 Короче, съ обоихъ споронъ,
 И дѣло выводя и вздоры,
 Бумаги исписали горы,
 А о наукахъ споръ остался не рѣшенъ.
 Царь сдѣлалъ болѣе. Созвавъ со всѣхъ споронъ
 Разумниковъ, изъ нихъ онъ учредилъ собранье,
 И о наукахъ споръ имъ предложилъ на судъ.
 Но способъ былъ и ещепъ худъ,
 За шѣмъ, что Царь имъ далъ большое содер-
 жанье;
 Такъ въ голосахъ между собой разладъ
 Для нихъ былъ настоящій кладъ,
 И если бы имъ волю дали,
 Онибъ до нынѣ полковали,

Да жалованье брали.

Но такъ какъ Царь казною не шупилъ,
То онъ примѣшя то, ихъ скоро разпустилъ.
Межъ тѣмъ часъ опъ часу впадалъ въ со-
мнѣнье болѣ. —

Вошъ какъ-то вышелъ онъ сей мыслью за-
няшъ въ полѣ,

И видить предъ собой
Пустынника съ сѣдою бородой
И съ книгою въ рукахъ большой.
Пустынникъ важный взоръ имѣлъ, но не угрю-
мый,

Привѣтливостъ и доброша
Улыбкою его украсили уста,
А на челѣ слѣды глубокой видны думы.
Монархъ съ пустынникомъ вступаешъ въ раз-
говоръ,

И видя въ немъ познанія несчетны,
Онъ проситъ мудреца рѣшитъ шомъ важный
споръ:

Науки болѣе полезны или вредны? —
Царь! старецъ отвѣчалъ, позволь, чшобъ
предъ тобой

Открылъ я припчею простой,
Чшо размышленья мнѣ внушили многолѣпны;
И съ мыслями собравшись началъ шакъ.

На берегу близъ моря
Жилъ въ Индіи рыбакъ;

Проведши долгой вѣкъ и бѣдности и горя,
Онъ умеръ и троихъ оставилъ сыновей.

Но дѣши видя,
Что съ нуждою они кормились опъ сѣшей,
И ремесло опцовско ненавидя,
Братья дань богатѣе задумали съ морей,
Не рыбой, жемчугами;
И зная плавать и нырять,
Ту подашь доправлять
Пуспились сами.

Однакожъ былъ успѣхъ различенъ всѣхъ тро-
ихъ!

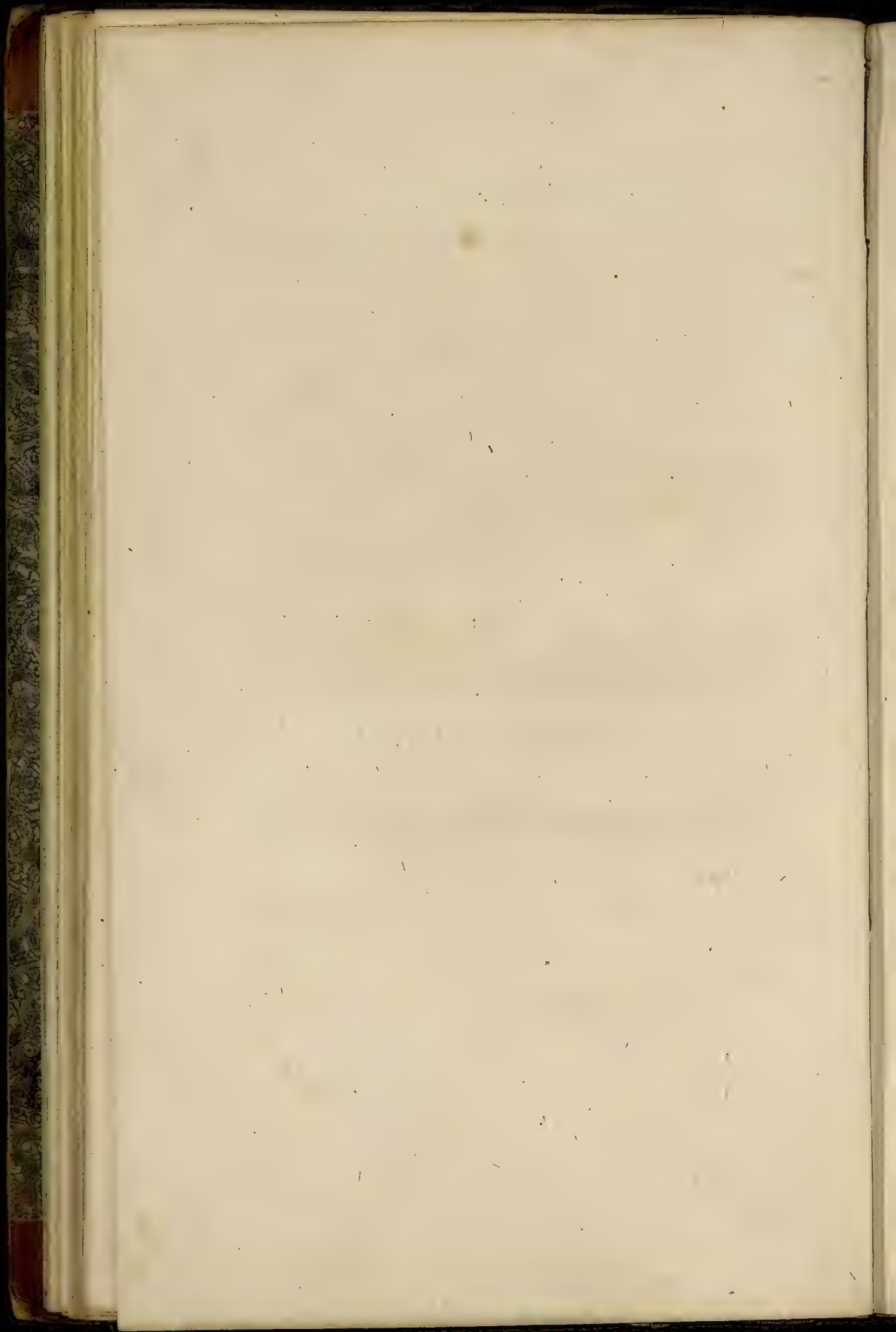
Одинъ, лѣнивѣе другихъ,
Всегда по берегу скипался;
Онъ даже не хотѣлъ ни ногъ мочить своихъ,
И жемчугу того лишь дожидался,
Что выброситъ къ нему волной;
А съ лѣнностью такой
Едва, едва пишался.

Другой,
Трудовъ ни мало не жалѣя,
И выбираетъ умѣя
Себѣ по силѣ глубину,
Богатыхъ жемчуговъ нырять искалъ по дну,
И жилъ всечасно богатѣя.
Но третій алчношью къ сокровищамъ по-
мимъ,
Такъ рассуждалъ съ собой самимъ:

Хотя близъ береговъ ласкаться счастьемъ
можно,
Но кажется, какихъ сокровищъ ждешь не
должно,

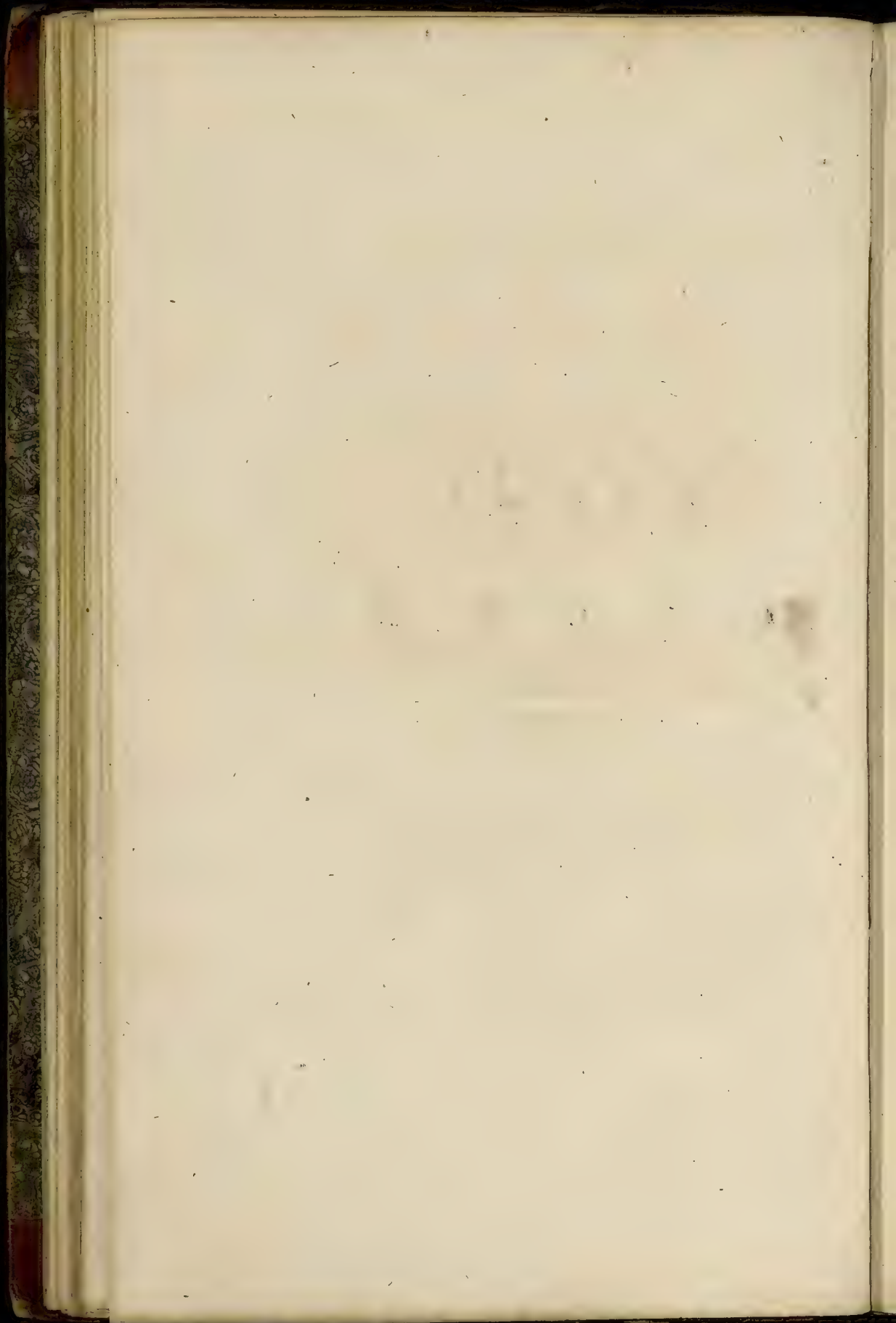
Когда бы удалось мнѣ
Доспастъ морское дно на самой глубинѣ!
Тамъ горы, можешь быть, богатствъ не-
счешныхъ
Коралловъ, жемчугу и камней самоцвѣтныхъ,
Которы стоишь лишь доспастъ
И взять.

Сей мыслию плѣнясь, безумецъ вскорѣ
Въ открытое пустился море,
И выбравъ гдѣ была чернѣе глубина,
Въ пучину кинулся; но поглощенный ею,
За дерзость, не доставши дна,
Онъ жизнью заплашилъ своею.
О Царь! примолвилъ тушь мудрецъ:
Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ при-
чину;
Но дерзкій умъ находишь въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ,
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ
собою.

Н О В Ы Я

Б А С Н И.

Н О В Ы Я
Б А С Н И
И. А. К Р Ы Л О В А.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г ъ,
въ типографіи Императорскаго театра;
1816.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, что бы по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіюшки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Марша 7 дня, 1816 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Иванъ Тиликовской.

Б А С Н И.

1.

ЧИЖЪ и ГОЛУБЪ.

Чижа захлопнула злодѣйка западня;
Бѣдняжка въ ней и рвался и мешался,
А Голубъ молодой надъ нимъ же издѣвался.
Не спыдноль, говоритъ, середь бѣлаго дня
Попался!

Не провели бы такъ меня,
За ещо я ручаюсь смѣло!
Анъ смошришь, шущъ же самъ запушался въ
Силокъ.

И дѣло!
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся Голубокъ.

II.

Х М Ъ Л Ъ.

Хмѣль выбѣжалъ на огородъ
 И вкругъ сухой пычинки випись спалъ;
 А въ полѣ близко дубъ молоденькой стоялъ.
 Что въ епомъ пользы естѣ уродъ,
 Да и во всей его породѣ?
 Такъ про дубокъ пычинкѣ Хмѣль жужжалъ.
 Ну, какъ его сравнишь съ побою?
 Ты барыня предъ нимъ одной лишь прямизною.
 Хоть листьемъ правда онъ одѣтъ,
 Да что за жестокость, что за цвѣтъ!
 За что его земля пипаетъ? —
 Межъ тѣмъ едва недѣля протекаетъ,
 Хозяинъ на дрова пычинку шу сломилъ,
 А въ огородъ дубокъ пересадилъ.
 И трудъ ему съ большимъ успѣхомъ удается:
 Дубокъ и принялся и оппрыски пустилъ;
 Посмотришь, около него мой Хмѣль ужъ
 вьется,
 И дубу опъ него вся честь и похвала.

Такіежъ у льстеца поступки и дѣла:
 Онъ на себя несетъ тѣмъ небылицъ и бредней,
 И какъ ты хочешь такъ прудись,

Но у него въ хорошихъ быть не льстись ;
А только въ случай попадись ,
Онъ первой явится въ передней.

III.

МЫШЬ и КРЫСА.

Сосѣдка, слышала ль ты добрую молву,
Вбѣжавши Крысѣ Мышь сказала:
Вѣдь кошка, говорящъ, попалась въ когти льву!
Вотъ отдохнушь и намъ пора настала. —

Не радуйся, мой свѣтъ,
Ей Крыса говоритъ въ отвѣтъ,
И не надѣйся по пустому;
Коль до когтей у нихъ дойдешь,
То вѣрно льву не будешь живому:
Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ.

Я столько разъ видалъ, примѣтъше его сами,
Когда боишься трусъ кого,
То думаешь, что на того
Весь долженъ свѣтъ глядѣть его глазами.

IV.

ГОСПОЖА и ДВѢ СЛУЖАНКИ.

У барыни, спарушки кропотливой,
 Неугомонной и брюзгливой,
 Двѣ были дѣвушки служанки, коихъ часъ
 Была, съ утра и до глубокой ночи
 Рукъ не покладывая прясъ.
 Не спало бѣднымъ дѣвкамъ мочи!
 Имъ будни, праздникъ, все равно;
 Нѣтъ угомона на спаруху:
 Днемъ перевестъ она не дастъ за пряжей духу,
 Зарей, гдѣ спятъ еще, а ужъ у нихъ давно
 Пошло плясать верешено.
 Быть можетъ иногда спаруха опоздала,
 Да въ домъ шомъ проклятой былъ пѣснухъ;
 Лишь онъ вспоетъ, спаруха всмала,
 Накинетъ на себѣ шубейку и шреухъ,
 У печки огонекъ вздуваетъ,
 Бредетъ ворча къ прядильщицамъ въ покой,
 Разпалкиваетъ ихъ кослявою рукой,
 А заупрямится, клюкой,
 И сладкой на зарѣ ихъ сонъ перерываетъ
 Чпо будешь дѣлать съ ней?
 Бѣдняжки морщатся, зѣваютъ, жмутся,
 И съ теплою поспелею своей,
 Хотя не хочется, а расстаются.
 На завтрѣ опять, лишь прокричишь пѣснухъ,

У дѣвушекъ съ хозяйкой сказка та же;
 Ихъ будящъ и морящъ на пряжъ.
 Добро же ты, нечистой духъ!
 Сквозь зубы пряхи тѣ на пѣснѣхъ ворчали:
 Безъ пѣсенъ бы своихъ мы вѣрно болѣ спали,
 Ужъ надъ тобою быть грѣху!
 И выбравши случай, безъ сожалѣнья
 Свернули дѣвушки головку пѣснѣхъ.
 Но чтожь? Онѣ себѣ тѣмъ ждали облегченья,
 Анъ въ дѣлѣ вышелъ оборотъ
 Со всѣмъ не шотъ,
 То правда, что пѣснѣхъ ужъ болѣ не поетъ,
 Злодѣя ихъ не спало,
 Да барыня боясь, чтобъ время не пропало,
 Чуть лягушъ, не даешъ почти свести имъ
 глазъ,
 И рано такъ будишь ихъ спала всякой разъ,
 Какъ рано пѣснѣхъ и съ роду не пѣвали.
 Тушъ поздно дѣвушки узнали,
 Что изъ огня онѣ да въ поломя попали,
 Такъ выбрашъся желая изъ хлопотъ,
 Не рѣдко челоуѣкъ имѣешъ участь ту же:
 Одни лишь только съ рукъ сживешъ,
 Глядишь, другіе нажилъ хуже.

КАМЕНЬ и ЧЕРВЯКЪ.

Какъ разшумѣлся здѣсь! Какой невѣжа!
 Про дождикъ говорилъ на нивѣ Камень лежа:
 А ради всѣхъ ему — пожалуй посмотри!

И ждали шакъ, какъ гостя дорогаго!

А что же сдѣлалъ онъ шакого?

Всего-то былъ часа два три.

Пускай же обо мнѣ разпросяшъ!

Такъ я ужъ вѣки здѣсь: шихъ, скромнѣ за-
 всегда,

Лежу смиренхонько, куда меня ни бросашъ,

А не слыхалъ себѣ спасибо никогда.

Не даромъ, право, свѣшъ поносяшъ!

Въ немъ справедливости не вижу я ни какъ.

Молчи, сказалъ ему Червякъ,

Сей дождикъ, какъ его ни крашко было время,

Лишенную засухой силъ

Обильно ниву напоилъ,

И земледѣльца онъ надежду оживилъ;

А ты на нивѣ сей пустое шолько бремя.

Такъ хвалишься иной, что служишъ сорокъ
 лѣтъ,

А проку въ немъ, какъ въ ешомъ камнѣ нѣтъ.

МЕДВѢДЬ У ПЧЕЛЪ.

Когда-то о веснѣ звѣрями
 Въ надсмотрщики Медвѣдь былъ выбранъ надъ
 ульями.
 Хоть можнобъ выбрашь шутъ другаго по
 вѣрнѣй,
 За шѣмъ, что къ меду Мишка падохъ,
 Такъ не былобъ оглядохъ;
 Да спрашивай ты толку у звѣрей!
 Кто къ ульямъ ни просился,
 Съ опказомъ оппустили всѣхъ,
 И какъ на смѣхъ
 Тупъ Мишка очутился.
 Анъ вышелъ грѣхъ:
 Мой Мишка пошаскалъ весь медъ въ свою
 берлогу.
 Узнали, подняли тревогу,
 По формѣ нарядили судъ,
 Опсставку Мишкѣ дали
 И приказали,
 Чтобъ зиму пролежалъ въ берлогѣ старой
 плушъ.
 Рѣшили, справили, скрѣпили;
 Но меду все не ворошили.
 А Мишинька и ухомъ не ведеть!

Со свѣтомъ Мишка разпрощался;
Въ берлогу теплую забрался,
И лапу съ медомъ шамъ сосетъ,
Да у моря погоды ждетъ.

VII.

КОНЬ и ВСАДНИКЪ.

Какой-то Всадникъ такъ Коня себѣ нашколилъ,
 Что дѣлалъ изъ него все, что изволилъ,
 Не шевеля почти и поводовъ:
 Конь слушался его лишь словъ.
 Такихъ Коней и взнуздывать напрасно,
 Хозяинъ нѣкогда сказалъ:
 Ну право вздумалъ я прекрасно!
 И въ полѣ выѣхавъ, узду съ Коня онъ снялъ.
 Почувствуя свободу,
 Сначала Конь прибавилъ только ходу
 Слегка,
 И вскинувъ голову, попряхивая гривой,
 Онъ выступкой пошелъ игривой,
 Какъ будто шѣша сѣдока.
 Но смѣя, какъ надъ нимъ управа не крѣпка,
 Взялъ скоро волю Конь решивой:
 Вскипѣла кровь его и разгорѣлся взоръ,
 Не слушая словъ Всадниковыхъ болѣ,
 Онъ мчитъ его во весь опоръ
 Черезъ все широко поле.
 Напрасно на него несчастной Всадникъ мой,
 Дрожащею рукой
 Узду накинущъ покушался:
 Конь болѣ лишь серчалъ и рвался,
 И сбросилъ наконецъ съ себя его долой;

А самъ, какъ бурный вихрь пустился,
 Не взвидя свѣша ни дорогъ,
 По коль въ оврагъ со всѣхъ попавши ногъ,
 До смерти не убился.

Узнавши смерть его сѣдокъ:
 Мой бѣдной Конь! сказалъ, я спалъ виною
 Твоей бѣды!

Когда бы не снялъ я съ себя узды,
 Управилъ бы навѣрно я шобою,
 И ты бы ни меня не сшибъ,
 Ни смертьююбъ самъ полъ жалкой не погибъ.

Какъ ни приманчива свобода;
 Но для народа
 Не меньше гибельна она,
 Когда разумная ей мѣра не дана.

VIII.

ЗЕРКАЛО и ОБЕЗЬЯНА.

Марптышка въ зеркалѣ увидя образъ свой,
 Тихохонько Медвѣдя толкъ ногой:
 Смогри-ка, говоришь, кумъ милой мой,
 Чшо ешо тамъ за рожа?
 Какіе у нее ужимки и прыжки!
 Я удавилась бы съ тоски,
 Когда бы на нее хошь чушь была похожа.
 А вѣдь, признайся, есть
 Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять
 шесть,
 Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесъ. —
 Чѣмъ кумушекъ счислять прудисься,
 Не лучше ль на себя, кума, оборотишься?
 Ей Мишка отвѣчалъ.
 Но Мишинькинъ совѣтъ лишь попусту про-
 палъ.

Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
 Не любишь узнавать ни кшо себя въ сапирѣ.
 Я даже видѣлъ шо вчера.
 Чшо Климычъ на руку не чистъ, всѣеознающъ,
 Про взяжки Климычу читающъ,
 А онъ украдкою киваетъ на Петра.

IX.

КОМАРЪ и ПАСТУХЪ.

Пасухъ подъ шѣнью спалъ надѣся на псовъ.

Примѣтя то змѣя изъ за кустовъ,

Ползешъ къ нему обливши ядомъ жало,

И Пасуха на свѣшъ бы не спало!

Но сжался надъ нимъ Комаръ, что было силъ

Сонливца укусилъ.

Проснувшись Пасухъ змѣю убилъ;

Но прежде Комара съ просонья шакъ хвашилъ,

Что бѣднаго его какъ не бывало.

Такихъ примѣровъ есть не мало!

Коль слабой сильному, хоть движимый до-
бромъ,

Открышь глаза на правду покуситесь,

Того и жди, что то же съ нимъ случится,

Что съ Комаромъ.

Р Ы Ц А Р Ь.

Какой-то Рыцарь въ старину,
 Задумавши искасть великихъ приключеній;
 Собрался на войну
 Противу колдуновъ и противъ привидѣній;
 Вздѣлъ лашы и велѣлъ къ крыльцу подвесить
 коня.

Но прежде, нежели въ сѣдло садиться,
 Онъ долгомъ счелъ къ коню съ сей рѣчью
 обратиться:

Послушай решивой и вѣрной конь меня,
 Ступай черезъ поля, чрезъ горы, чрезъ ду-
 бравы,

Куда глаза твои глядѣшь,
 Какъ рыцарски законы намъ веляшь,
 И пушь опъискивай въ храмъ славы.
 Когдажъ Карачуновъ я злобныхъ усмирю,
 Въ супружесство княжну Кишайскую добуду,
 И царства два при покорю,
 Тогда прудовъ твоихъ, мой другъ, я не забуду,
 Съ тобой всю славу раздѣлю.

Конюшню, какъ дворецъ огромный,
 Соспроишь для себя велю,
 А лѣшомъ опведу луга тебѣ поемны.
 Теперя и овса ты видишь не всегда,
 А воду пьешь изъ мушнаго пруда;

Тогда

Ячмень твой будешь кормъ, сыта медова пойло.
Тутъ Рыцарь прыгъ въ сѣдло и бросилъ повода,
А лошадь молодца, не ѣдя ни куда,
Прямехонько примчала въ стойло.

XI.

ТѢНЬ И ЧЕЛОВѢКЪ.

Чудакъ какой-то тѣнь свою хотѣлъ поймать:
 Онъ къ ней, она впередъ; онъ шагу прибавлять,
 Она шудажъ; онъ наконецъ бѣжашъ;
 Но чѣмъ онъ брышчѣ, тѣмъ и тѣнь скорѣй
 бѣжала,

Все не даваясь будно кладъ.
 Вошъ мой чудакъ пустился вдругъ назадъ;
 Оглянешся, а тѣнь за нимъ ужъ гнашся спала.

Красавицы! видалъ я много разъ, —
 Вы думаете что? Нѣтъ, право не про васъ;
 А что бываетъ шожъ съ форшуною у насъ.
 Иной лишь прудъ и время губить,
 Стараяся наспичъ ее изъ силы всей;
 Другой, какъ кажешся, бѣжитъ со всѣмъ опъ
 ней:
 Такъ нѣтъ, за тѣмъ она сама гоняшся любитъ.

XII.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ТОПОРЪ.

Мужикъ избу рубл, на свой Топоръ озлился;
Пошелъ Топоръ въ худыхъ, Мужикъ всбѣсился:

Онъ самъ нарубишь вздоръ,

А виновашъ во всемъ Топоръ;

Бранишь его, хошь какъ Мужикъ найдетъ
причину.

Негодной! онъ кричишь однажды, съ ешихъ
поръ

Ты будешь у меня щепашъ лучину;

А я съ моимъ умѣньемъ и прудомъ,

При томъ съ досужесью моею,

Знай, безъ тебя пробавишься умѣю,

И сдѣлаю простымъ ножемъ,

Чего другой не срубишь попоромъ. —

Рубишь, что мнѣ велишь, моя такая доля,

Смиренно отвѣчалъ Топоръ на окрикъ злой:

И такъ, хозяинъ мой,

Твоя свяшая воля,

Готовъ шебъ я всячески служишь;

Да только ты смотри, чтобъ послѣ не шужишь:

Меня ты попусту изшупишь,

А все ножемъ избы не срубишь.

XIII.

Т у ч а.

Надъ изнуренною опъ зной стороною
Большая Туча пронеслась ;
Ни каплею ее не освѣжа одною ,
Обильнѣйшимъ дождемъ надъ моремъ пролилась ,
И щедростью своею хвалилась предъ Горою.
Чшо сдѣлала добра ,
Ты щедростью такою ?
Сказала ей Гора :
И какъ сморгнѣвъ на то не больно !
Когда бы на поля свой дождь ты пролила ,
Тыбъ обласнь цѣлую опъ голода спасла ;
А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно.

XIV.

ЛЕВЪ и ВОЛКЪ.

Левъ убиралъ за завтракомъ ягненка;

А собаченка,

Вершлсь вокругъ царскаго стола,

У Льва изъ подъ когтей кусочикъ урвала;

И царь звѣрей то снесъ, не огорчась нимало

(Она глупа еще и молода была).

Увидя то, на мысли Волку вспало,

Что Левъ конечно не силенъ,

Коль такъ смиренъ,

И лапу просянулъ къ ягненку также онъ.

Анъ вышло съ Волкомъ худо:

Онъ самъ ко Льву попалъ на блюдо.

Левъ разшерзалъ его, примолвя такъ: дружекъ!

Напрасно смотря на собачку

Ты вздумалъ, что тебѣ я также дамъ пошачку;

Она еще глупа, а ты ужъ не щенокъ.

XV.

СОБАКА, ЧЕЛОВѢКЪ, КОШКА и СОКОЛЬ.

Собака, Человѣкъ, да Кошка, да Соколъ,
Другъ другу поклялись однажды въ дружбѣ
вѣчной,

Нелестной, искренной, чистосердечной.
У нихъ былъ общій домъ, едва ли не общій столъ,
Клялись дѣлать они и радость и заболѣ,

Другъ другу помогать,
Другъ за друга стоять,

И если надо, другъ за друга умирать.
Вотъ какъ-то вмѣстѣ всѣ отправа въ охоту,
Мои друзья

Далеко отъ дому отбыли,
Умаялись, утомились

И отдохнувши прислали у ручья;
Тутъ задремали всѣ, кто лежалъ, кто и сидя,
Какъ вдругъ изъ лѣсу шася
На нихъ медвѣдь разинувъ пасть.

Бѣду такую видя,
Соколъ на воздухъ, Кошка въ лѣсъ,
И Человѣкъ шепъ съ жизнью бы просился;
Но вѣрный Песъ

Со звѣремъ злымъ барахтаться схватился,
Въ него вцѣпился,

И какъ медвѣдь его жестоко ни ломалъ,
Какъ ни ревелъ отъ боли и отъ злобы,

Песъ прохвата его до кости,
 Повисъ на немъ и зубъ не разжималъ,
 Доколъ съ жизнію всѣхъ силъ не потерялъ.—
 А Человѣкъ? — Къ спыду изъ насъ не всякой,
 Сравнился въ вѣрности съ Собакой!
 Пока медвѣдь былъ занятъ дракой,
 Онъ подхващя ружье свое съ собой,
 Пустился безъ души домой.

На языкѣ легка и ласка и услуга,
 Но вънуждѣ лишь узнать лъзяистиннаго друга.
 Какъ рѣдки шаковы друзья!
 И шо сказашь, какъ часто видѣлъ я,
 Чшо шакъ, какъ въ баснѣ сей, былъ вѣрной
 песъ оставленъ,

Такъ шопъ,
 Кшо изъ хлопошъ
 Былъ другомъ вырочень, избавленъ,
 Его же покидалъ въ бѣдѣ,
 Его же и ругалъ вездѣ.

XVI.

ВОЛКЪ и ПАСТУХЪ.

Волкъ близко обходя пасушій дворъ,
И видя сквозь заборъ,
Что выбравъ лучшаго себѣ барана въ спадѣ,
Спокойно Пастухи барашка попрошашъ,
А псы смирнехонько лежалъ,
Сказалъ имъ уходя въ досадѣ:
Какой бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли, друзья,
Когда бы ешо сдѣлалъ я!

XVII.

СЛОНЪ ВЪ СЛУЧАѢ.

Когда-то въ случай Слонъ попалъ у Льва.
 Въ минушу по лѣсамъ прошла о шомъ молва,
 И шакъ, какъ водится, пошли догадки,
 Чѣмъ въ мимосѣ вѣрся Слонъ?
 Ни шо красивъ, ни шо забавенъ онъ,
 Чшо за приемъ, чшо за ухватки!
 Толкуютъ звѣри межъ собой.
 Когда бы, говоритъ верши хвостомъ Лисица,
 Былъ у него пушистой хвостъ шакой,
 Я не дивилась бы! — Или, сестрица,
 Хошь когти былибъ у него,
 Прибавилъ Волкъ, а шо вѣдь нѣшу ничего!
 Да не вошелъ ли онъ въ случай клыками?
 Вступился въ рѣчь ихъ Волъ:
 Ужъ не сочли ли ихъ рогами? —
 Такъ вы не знаете, сказалъ Оселъ
 Ушами хлопая, чѣмъ могъ онъ полюбиться?
 Послушайтежъ меня, я радъ божиться,
 Не будь лишь у него шакихъ большихъ ушей,
 Такъ дворъ бы и не зналъ о немъ, ей! ей!
 Не рѣдко мы (хотя шого не примѣчаемъ),
 Себя въ другихъ охотно величаемъ.

КЛЕВЕТНИКЪ И ЗМѢЯ.

Напрасно про бѣсовъ болтають,
 Что справедливости со всѣмъ они не знаютъ,
 А правду и они не рѣдко наблюдають;
 Я и примѣръ тому здѣсь приведу.
 Въ какомъ-то торжествѣ въ аду,
 Для дня рожденія Аппилы иль Нерона,
 Иль можешь быть Наполеона,
 Боюсь сказать,

Чтобъ не солгать;

Да впрочемъ все равно: извѣстно, дни такіе
 У Сатаны

Всѣ въ шабель включены,
 И торжества для нихъ уставлены большіе.

Такъ въ торжествѣ шакомъ,
 Готовясь въ ходъ Змѣя съ Клеветникомъ,
 Другъ другу усшупить ни мало не хотѣли,
 И зашумѣли,

Кому изъ нихъ идти приличный напередъ?
 А въ адъ первенство, извѣстно, потъ береть,

Кто ближнему надѣлалъ больше бѣдъ.
 Такъ въ споръ семъ и жаркомъ и не маломъ,
 Передъ Змѣею Клеветникъ

Свой выставлялъ языкъ;
 А передъ нимъ Змѣя своимъ хвалилась жаломъ,

Шипѣла, что не лѣзя обиды ей снести,
 И силилась его переползти.
 Вотъ Клевешникъ было за ней ужъ очутился!
 Но Вельзевулъ не пошерпѣлъ того;
 Онъ самъ спасибо за него
 Вспуился,
 И осадилъ назадъ Змѣю
 Сказавъ: хопъ я твои заслуги признаю,
 Но первенство ему по правдѣ отдаю;
 Ты зла, твое смертельно жало,
 Опасна ты когда близка,
 Кусаешь безъ вины, (и по не мало!)
 Но можешь ли язвить ты такъ издалика,
 Какъ злой языкъ Клевешника,
 Отъ коего не лѣзя спасшися ни за горами,
 Ни за морями.
 Такъ стало онъ себя вреднѣй!
 Ползи же ты за нимъ и будь впередъ смиренѣй.
 Съ тѣхъ поръ Клевешники въ аду почетнѣй
 Змѣй.

XIX.

ФОРТУНА и НИЩІЙ.

Съ истершою и вешхою сумой
 Бѣдняжка нищинькій подъ оконьемъ шаскался,
 И жалуюсь на жребій свой,
 Не рѣдко удивлялся,
 Что люди живучи въ богатыхъ перемахъ,
 По горло въ золошъ, въ довольствѣи сластяхъ,
 Какъ ихъ карманы ни набиты,
 Еще не сыты!
 И даже до того,
 Что безъ пупи алкая
 И новаго богатства добывая,
 Лишаются не рѣдко своего
 Всего.

Вонъ, бывшій на примѣръ того хозяинъ дому,
 Пошелъ счастливо торговать;
 Разпорговался въ пухъ. Тушъ, чѣмъ бы пере-
 стасть,
 И доспальной свой вѣкъ спокойно доживатьъ,
 А промыселъ оставилъ свой другому,
 Онъ въ морѣ корабли отправилъ по веснѣ;
 Ждалъ горы золоша, но корабли разбило;
 Сокровища его всѣ море поглошило;
 Теперь они на днѣ,
 И видѣлъ онъ себя богатымъ какъ во снѣ.
 Другой, пощъ въ откуна пустился,

И нажилъ было миліонъ,
 Да мало, захотѣлъ его удвоить онъ,
 Забрался по уши, и вовсе разорился.
 Короче, тысячи такихъ примѣровъ есть;
 И подѣломъ! знай честь. —
 Тушъ Нищему Фортуна вдругъ предстала
 И говоритъ ему:
 Послушай, я помочь давно тебѣ желала,
 Червонцевъ кучу я сыскала;
 Подставь свою суму;
 Ее насыплю я, да только съ уговоромъ:
 Все будешь золото, въ суму что попадешь;
 Но если изъ сумы что на полъ упадешь,
 То сдѣлается соромъ.
 Смошрижъ, я напередъ тебя остерегла,
 Мнѣ вѣрно хранишь условье наше строга,
 Сума твоя вещь, не забирайся много,
 Чтوبъ вынесши она могла. —
 Едва ошъ радости мой нищій дышетъ
 И подъ собой земли не слышетъ!
 Разправилъ свой кошель, и щедрою рукой
 Тушъ полился въ него червонцевъ дождь златой.
 Сума становится ужъ тяжеленька.
 Довольноль? — Нѣтъ еще. — Не преснулабъ? —
 Небось. —
 Смошри, ты Крезомъ спалъ. — Еще, еще ма-
 ленько,
 Хоть горсточку прибрось. —

Ей полно! посмотри, сума ползетъ ужъ врозь.
Еще щепоточку.— Но путь кошель прорвался,
Разсыпалась казна и обрапилась въ прахъ,
Форшуна скрылася, одна сума въ глазахъ,
И Нищій нищинькимъ по прежнему, оспался.

ЛЯГУШКА и ЮПИТЕРЪ.

Живущая въ болотѣхъ подъ горой

Лягушка, на гору весной

Переселилась;

Нашла тамъ шинистой въ ложчинкѣ уголокъ,

И завела домокъ

Подъ тѣнью ивняка, межъправки, какъ раѣкъ.

Однакожъ имъ она не долго веселилась.

Настало лѣто, съ нимъ жары,

И дачи Квакушки шакъ сдѣлалися сухи,

Что ногъ не замоча по нихъ бродили мухи.

О Боги! молился Лягушка изъ норы:

Меня вы бѣдную не погубите,

И землю въ ровень хоть съ горою затопише,

Что бы въ моихъ помѣстяхъ никогда

Не высыхала бы вода.

Лягушка вопишь безъ умолку

И наконецъ Юпитера бранишь,

Что нѣшу въ немъ ни жалости, ни толку.

Безумная! Юпитеръ говоритъ,

(Знашь не былъ онъ тогда сердитъ)

Какъ квакашь попусту тебѣ охота!

И чѣмъ мнѣ для твоихъ зашѣй

Перетопишь людей,

Не лучшель въ низъ тебѣ сплещишься до бо-
лоша.

На свѣшѣ много мы такихъ людей найдемъ,
Которымъ все, кромѣ себя, послыло,
И кои думаютъ, лишь мнѣ бы ладно было,
А тамъ весь свѣшѣ гори огнемъ.

XXI.

ЛИСА СТРОИТЕЛЬ.

Какой-то Левъ большой охотникъ былъ докуръ;
Однакожъ у него онѣ водились худо.

Да ешо и не чудо!

Къ нимъ доступъ былъ свободенъ черезъ чуръ;
Такъ ихъ шо крали,

То сами куры пропадали.

Чтобъ ешому помочь убышку и печали,
Постройшь вздумалъ Левъ большой курятной
дворъ,

И такъ его ухищитъ и уладитъ,

Что бы воровъ со всемъ опвадитъ,

А курамъ былобъ въ немъ довольство и про-
сторъ.

Вошъ Льву доносятъ, что Лисица

Большая спройтъ мастерица;

И дѣло ей поручено.

Съ успѣхомъ начашо и кончано оно.

Смотрѣли, видѣли; спроенье,

Заглядѣнье!

А сверхъ того все есть, чего ни спросишь
путь:

Кормъ подъ носомъ, вездѣ напыкано насестокъ,

Ошъ холоду и жару есть приюшъ,

И укромонные мѣстечки для насѣдокъ.

Вся слава Лисанькѣ и чесъ!

Богатое дано ей награжденье,
И потчасъ повелѣнье.
На новоселье куръ немедля перевестъ.
Но есть ли польза въ перемѣнѣ?
Нѣтъ; кажется и крѣпокъ дворъ,
И плошенъ и высокъ заборъ,
А куръ часъ отъ часу все менѣ.
Отколь бѣда? придумать не могли.
Но Левъ велѣлъ сперечь, Когожъ подсперегли?
Тоежъ Лису злодѣйку.
Хоть правда, что она свела спроенье такъ,
Что бы не ворвался въ него ни кто ни какъ,
Да только для себя оставила лазейку.

XXII.

НАПРАСЛИНА.

Какъ часто что нибудь мы сдѣлавши худаго,
Кладемъ вину въ томъ на другаго,

И какъ не рѣдко говорящъ:

Когдабъ не онъ, и въ умъ бы мнѣ не впало!

А ежели людей не спало,

Такъ ужъ лукавой виновашъ,

Хоть шущъ его со всѣмъ и не бывало.

Примѣровъ тѣма тому. Вошъ вамъ изъ нихъ
одинъ.

Въ возпочной сторонѣ какой-то былъ Браминъ,

Хоть на словахъ и теплой вѣры,

Но не шаковъ со всѣмъ жисьемъ,

(Есть и въ Браминахъ лицемѣры);

Да ешо въ сторону, а дѣло только въ томъ,

Что въ братствѣ онъ своемъ

Одинъ былъ правила шакого,

Другіе же всѣ житія святаго;

И что всего ему пошнѣй,

Начальникъ ихъ былъ нраву прекрутаго,

Такъ преступить ни какъ успава ты не смѣй.

Однакожъ мой Браминъ не унываетъ!

Вошъ постной день, а онъ смѣкаетъ,

Не лзя ли разрѣшить на сырное шайкомъ?

Доспалъ яйцо, полуночи дождался,

И свѣчку вздувши съ огенькомъ,

На свѣчкѣ печь яйцо принялся;
 Ворочаетъ его легонько у огня,
 Не сводитъ глазъ долой и мысленно глошаетъ,
 А про начальника смѣлся разсуждаетъ:
 Не уличишь же ты меня,
 Длинно-бородой мой приятель,
 Яичко съѣмъ-таки я въ слась. —
 Анъ шутъ стихонько шась
 Къ Брамину въ келью надзирашеть,
 И видя грѣхъ такой
 Отвѣща требуетъ онъ грозно.
 Улика на лицо и запирашья поздно!
 Прости, отецъ святой,
 Прости мое ты прегрѣшенье,
 Такъ взмолился Браминъ сквозь слезъ,
 И самъ не знаю я, какъ впалъ во изкушенье;
 Ахъ! науспилъ меня проклятой бѣсъ.
 А шутъ бѣсенокъ изъ запечки:
 Не стыдноли, кричишь, всегда клепашъ на насъ,
 Я самъ лишь у себя учился сей же часъ,
 И право вижу въ первой разъ,
 Какъ яйца пекутъ на свѣчкѣ.

XXIII.

ФОРТУНА ВЪ ГОСТЯХЪ.

На укоризны мы Форшунъ шаровашы;
 Кто не въ чинахъ, кто не богашъ,
 За все цро все ее браняшъ,
 А разсмотрѣшъ, такъ сами виновашы.
 Слѣпое счастье шапаясь межъ людей,
 Не вѣчно у вельможъ, гостипшъ и у царей;
 Оно и въ хижинѣ швоей,
 Бышъ можешъ, погоспишъ когда нибудь при-
 спанешъ;

Лишь время не теряшъ умѣй
 Когда оно къ тебѣ заглянешъ;
 Минуша съ нимъ одна, кто ею дорожишъ,
 Терпѣнья годы наградишъ.
 Когдажъ ты не умѣлъ ошъ счастья поживишъся,
 То не Форшунъ ты, себѣ за шо пеняй,
 И знай,
 Что можешъ вѣкъ она къ тебѣ не возвратишся.

Домишка старинькой край города споялъ;
 Три брата жили въ немъ и не могли разжишъся,
 Ни въ чемъ имъ какъ-то не споришся;
 Кто что изъ нихъ ни зашѣвалъ,
 Все остаешся безъ успѣха;
 Вездѣ потеря иль помѣха;
 По ихъ словамъ, вина Форшуны въ томъ была.

Вотъ невидимкой къ нимъ Форшуна забрела,
 И пронувшись ихъ бѣдностью большою,
 Имъ помогать рѣшилась всей душою,
 Какіе бы они ни начали дѣла,
 И прогоспшитъ у нихъ все лѣпо.

Все лѣпо! шушкаль ешо!

Пошли у бѣдняковъ дѣла другой спашьей.
 Одинъ изъ нихъ хоть былъ торгашъ плохой,
 А шущъ что ни продастъ, ни купитъ,
 Барышъ на всемъ большой онъ слупитъ,
 Забылъ со всемъ что есть накладъ,
 И скоро спалъ какъ Крезъ богатъ.

Другой въ приказъ пошелъ: иною бы порою
 Завязъ онъ въ писаряхъ съ своею головою;

Теперь ему со всѣхъ споронъ

Удача:

Что дастъ обѣдъ, что сходишь на поклонъ,

Иль чинъ иль мѣсто схватишь онъ,

Посмотришь у него деревня, домъ и дача.

Теперь вы спросите: чтожъ третій получилъ?

Вѣдь вѣрно и ему Форшуна помогала?

Конечно, съ нимъ она почти не опдыхала.

Но третій братъ все лѣпо мухъ ловилъ,

И такъ счастливо,

Что диво!

Не знаю прежде Онъ бывалъ ли въ помъ го-
 раздъ?

А шущъ шруды его не въ шунъ:

Какъ ни взмахнешъ рукой, благодаря Форшунъ,

Ни разу промаху не даси.

Вотъ гостыя между пѣмъ у брашьевъ наго-
спилась,

И далѣ въ пушъ пуспилась.

Два брата въ барышахъ: одинъ изъ нихъ бо-
гатъ,

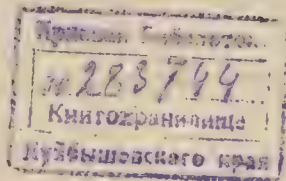
Другой еще при томъ въ чинахъ, а претій
братъ

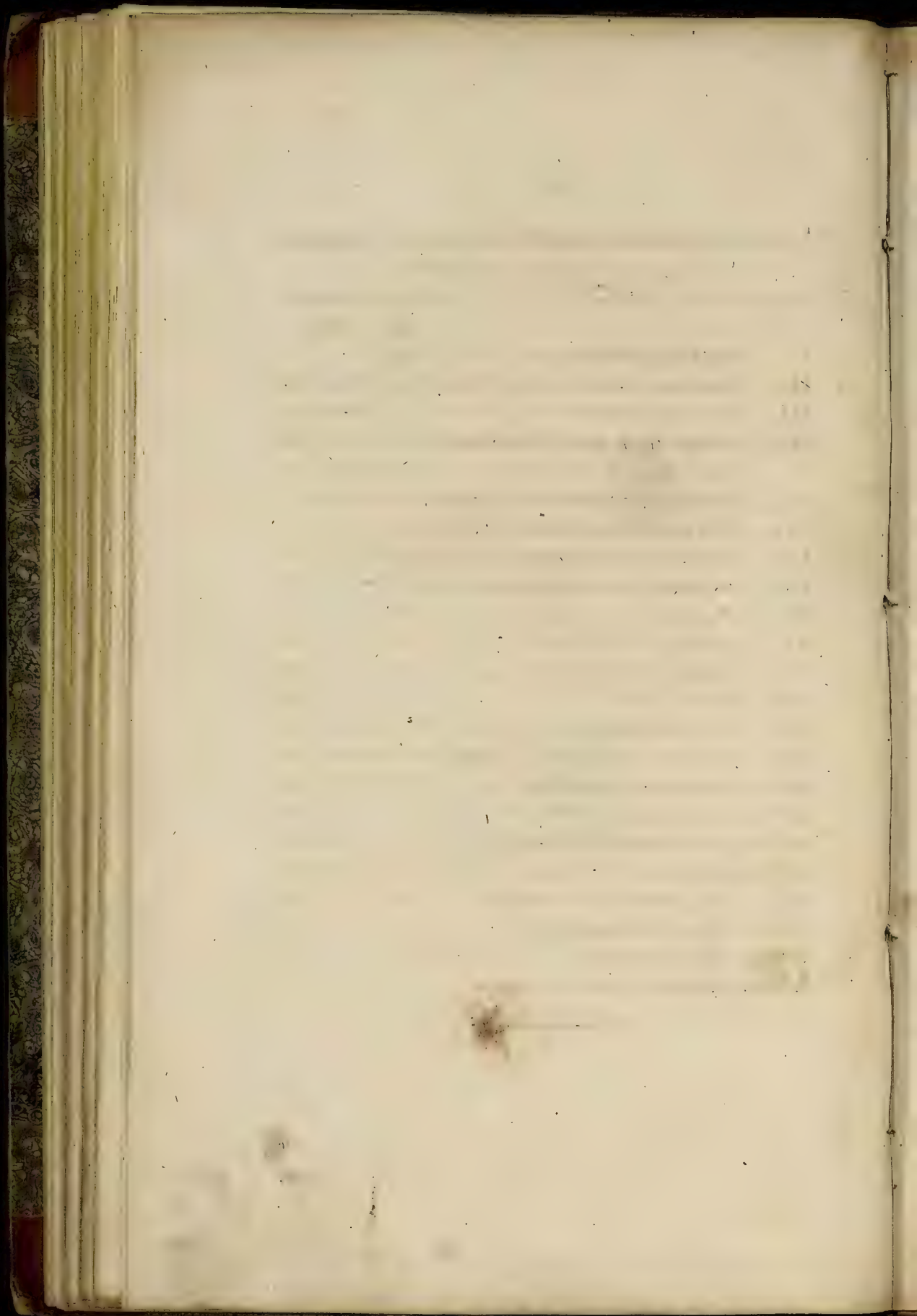
Клянешъ судьбу, что онъ Форшуной злою,

Оспавленъ лишь съ сумою.

Чишашель, будь ты самъ судьбою,

Кто въ ешомъ виновашъ?

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
I. Чижъ и Голубъ - - - - -	1.
II. Хмѣль - - - - -	2.
III. Мышь и Крыса - - - - -	4.
IV. Госпожа и двѣ служанки - - - - -	5.
V. Камень и Червякъ - - - - -	7.
VI. Медвѣдь у Пчелъ - - - - -	8.
VII. Конь и Всадникъ - - - - -	10.
VIII. Зеркало и Обезьяна - - - - -	12.
IX. Комаръ и Паспухъ - - - - -	13.
X. Рыцарь - - - - -	14.
XI. Тѣнь и Человѣкъ - - - - -	16.
XII. Крестьянинъ и Топоръ - - - - -	17.
XIII. Туча - - - - -	18.
XIV. Левъ и Волкъ - - - - -	19.
XV. Собака, Человѣкъ, Кошка и Собака	20.
XVI. Волкъ и Паспухи - - - - -	22.
XVII. Слонъ въ случаѣ - - - - -	23.
XVIII. Клеветникъ и Змѣя - - - - -	24.
XIX. Фортуна и Нищій - - - - -	26.
XX. Лягушка и Юпитеръ - - - - -	29.
XXI. Лиса строишель - - - - -	31.
XXII. Напраслина - - - - -	33.
XXIII. Фортуна въ гостяхъ - - - - -	35.

Лабжусь, лабзися, заться, зисься, v. c. flatter, cajoler, einem den Bart streichen, einem schmeicheln.

Лабиринт, ou Лавиринѣ, а, m. le labyrinthe, das Labyrinth.

Лабораторія, и, f. le laboratoire, das Laboratorium.

Лав, ы, f. la lave, die Lave.

Лава, ы, f. un petit pont, un pontet, un pont volant, ein Steg; eine fliegende Brücke.

Лаванда ou Лаванда, ы, f. de la lavande, Lavendel.

Лавированіе, я, n. l'action de louvoyer, das Laviren.

Лавирую, ешь, вировать, v. a. louvoyer, laviren.

Лавка, и, f. un banc; la boutique, die Bank; die Bude, der Laden.

Лавочникъ ou Лавошникъ, а, m. un mercier, ein Krämer. Лавошниковъ, а, о, а. du mercier, des Krämer.

Лавочный ou Лавошный, ая, ое, а. de boutique, zur Bude gehörig.

Лавра, ы, f. nom donné préférentiellement aux principaux monastères de Kiow, de la sainte Trinité (Троицкая) et au couvent de St. Alexandre Newskoy, ein Rahme, der vorzugsweise das Kloster von Kiew, das Kloster der h. Dreieinigkeit bey Mestwa, und des h. Alexander Newskoy führen.

Лавровый, ая, ое, а. de laurier, von Lorbeer.

Лавровые листья, des feuilles de laurier, Lorbeer-Blätter.

Лавровыя ягоды, des grains, des baies de laurier, Lorbeer.

Лавр, а, m. le laurier, der Lorbeerbaum.

Лагерь, я, m. le camp, das Lager.

Лагерный, ая, ое, а. de camp, zum Lager gehörig.

Лагунъ, а, Лагунчикъ, а, d. m. et Лагуна, f. Лагушка, и, d. f. la

boîte au goudron, die Zheerbüchse, der Schmierelimer. Лагуный, ая, ое, а. de cette boîte, zur Zheerbüchse gehörig.

Ладанъ, v. Ладонъ.

Ладённый, ая, ое, а. de vaisseau, zum Schiffe gehörig.

Ладія, и, m. (sl.) un vaisseau, à un mât et à tillac; une grande barque à fond plat; une nacelle; au jeu d'e-

chee: la tour, ein einmastiges Schiff; ein Fahrzeug mit flachem Boden; ein Kabin; der Kofen.

Ладно, ad Ладненько, d. en bonne harmonie; d'accord, unanimement; bien, passe pour cela, assez bien, einig; einstimmig; gut.

Ладонница, ы, f. une boîte à l'encens, la navette, das Weibrauchkästchen.

Ладонный, ая, ое, а. de l'encens, von Weibrauch.

Ладонъ, а, m. le sandarague, der Sandarak.

Ладонъ росной, le benjoin, die Benzoe.

Ладонъ земной, petite valériane, kleiner Baldrian.

Ладонъ, Ладоша, Ладонка, и, d. f. la paume de la main, die flache Hand.

Ладунка et Ладунка, и, f. le cartouchier; le calbotin, saint-crép, die Laurentasche; der Schusterforb.

Ладъ, а, m. l'harmonie, l'accord, la bonne intelligence, la concorde; la bandoulière d'un instrument de musique; der Accord; die Einigkeit, Eintracht; der Klängen an musikalischen Instrumenten.

Лажение ou Лаженье, я, n. l'action d'accorder, das Einstimmen.

Лажу, ладишь, ладимъ, v. n. accorder; ajuster; * vivre amicalement, bien avec qn., stimmen; anpassen; auf einem guten, freundschaftlichen Fuß zusammen leben, sich sehr gut mit jemanden vertragen.

Лазаретъ, а, m. l'hôpital, das Lazareth. Лазаретный, ая, ое, de l'hôpital, zum Hospitale gehörig.

Лазей, и, f. ouverture pour y passer ventre à terre, eine Oeffnung zum durchkriechen.

Лазня, и, f. une planche à grands trous pour servir d'échelle, ein Bret mit großen Löchern, das statt einer Leiter dient.

Лазоревый, ая, ое, а. azuré, bleu céleste, azurnen; himmelblau.

Лазурикъ, а, m. le lazulite, la pierre d'azur, Zéolite bleue, Lasurstein.

Лазурь, и, f. l'outremer; la smalte en poudre; l'azur, das Ultramarin; die Schmalte; die himmelblaue Farbe.

Лазутчикъ, а, m. un espion, ein Kundschafter. Лазутчица, ы, f. une espionne, eine Kundschafterin.

